

Опасный мужчина

Автор:

Кэндис Кэмп

Опасный мужчина

Кэндис Кэмп

Мужчины и женщины #2Серенада – Harlequin

Лондонское общество всегда относилось к Элеонор неодобрительно, как к «властной американке», полной противоположности британской добродетели и пристойности. После смерти мужа она была назначена попечителем его имущества. Разъяренная свекровь посылает лорда Энтони Нила, чтобы тот положил конец подлым намерениям Элеонор завладеть богатством. Между Энтони и Элеонор сразу же возникла неприязнь. Он думает, что она сирена, использующая свою красоту для завлечения мужчин. Она – что он надменный, холодный английский сноб. Однако, несмотря на первое впечатление, их все сильнее влечет друг к другу. Но кто-то начинает угрожать Элеонор. Взломы и другие неприятности копятся. И Энтони стоит первым среди подозреваемых...

Кэндис Кэмп

Опасный мужчина

Роман

Пролог

Погребальный костер устроили на берегу моря. Простой катафалк из деревянных досок с двух сторон опирался на неровно сколоченные кресты из сучьев. Снизу сложили горку обтесанных поленьев, ветки и мелкие куски топляка, собранные на берегу, облили все это керосином, чтобы быстрее разгорелось и не гасло. На двух широких досках покоилось неподвижное тело, завернутое в покрывало, человеческая фигура без лица, из-за этого выглядевшая еще более жалко и одиноко.

Вдова, высокая статная женщина, величественная в суровом черном одеянии, стояла в стороне. Ближе ей подойти не позволили. Власти пытались отговорить вдову от участия в обряде, даже посылали священника, чтобы заставил ее прислушаться к доводам рассудка. Слишком печальное зрелище для слабых женских нервов, объясняли они, ей будет тяжело на это смотреть.

– Моему мужу пришлось не легче, – отвечала Элеонора, леди Скарбро, и по ее спокойному тону любой знавший эту женщину понял бы, что она не изменит решения. – Я останусь с ним до конца.

Итальянские власти имели с ней дело в первый раз, однако в конце концов убедились на собственном опыте, что Элеонора Таунсенд Скарбро редко уступает в спорах, и пошли навстречу ее пожеланиям, однако настояли, чтобы она держалась в стороне. В пылу раздражения они отбросили деликатные фразы и напрямую заявили, что около костра запах будет невыносимый.

Поэтому теперь Элеонора стояла на пригорке, неподвижная, с прямой спиной, и смотрела туда, где нашло свой последний приют тело сэра Эдмунда Скарбро. Порывы ветра заставили длинный черный плащ облепить ее фигуру, трепали вуаль, и Элеонора дрожала, печально удивляясь тому, что на солнечном побережье королевства Неаполь может быть так холодно.

Спутник Элеоноры, маленький круглый человечек, бросил на нее тревожный взгляд. При менее печальных обстоятельствах они выглядели бы комично рядом друг с другом – она высокая и прямая, он полный и низкорослый, да еще и напускал на себя важность, играя роль заступника. Мужчина положил ладонь ей на плечо, потом убрал руку, на некоторое время зависшую около спины Элеоноры, будто хотел дотронуться до этой негибаемой фигуры, но не отваживался. Наконец заглянул ей в лицо, потом перевел взгляд на костер и обеспокоенно нахмурился. Быстро отвел глаза:

– Мне кажется... вы, должно быть, замерзли... прошу вас, леди Скарбро...

Элеонора пронзила его резким взглядом:

– Можете идти, синьор Кастеллати. Со мной все будет в порядке.

Круглое лицо мужчины исказилось от потрясения.

– Нет, нет, нет...

Он разразился страстной речью на итальянском, но тараторил так быстро, что Элеонора разобрала не все, однако суть уловила: оперный импресарио беспокоится не за себя, его прежде всего тревожит состояние леди. В конце речи он испуганно глянул на костер, опровергая собственные слова.

– Благодарю вас, синьор, – искренне ответила Элеонора и похлопала его по руке. Как бы комично этот человек ни выглядел, он твердо настоял на том, чтобы быть с ней до последней минуты, несмотря на явное неудовольствие и даже страх. Смелый поступок, считала Элеонора.

– Вы мне очень помогли.

И это была правда. Кастеллати оставался рядом с ней последние несколько дней, с тех пор как сэр Эдмунд не вернулся с лодочной прогулки. Да, намерения Кастеллати были не вполне бескорыстны, поскольку он как раз ставил оперу Эдмунда, и иногда Элеоноре хотелось остаться одной, однако импресарио оказался незаменим при общении с итальянскими властями.

Разумеется, Дарио Параделла, ближайший друг сэра Эдмунда в Неаполе, тоже был рядом, но, поглощенный собственным горем, ничем помочь не мог. К тому же отношения с неаполитанским правительством у Дарио были напряженные – им не слишком нравились его достаточно либеральные идеи.

– Ах, *ma donna bella*...[1 - Моя прекрасная госпожа (ит.).] – Дарио, стоявший по другую сторону от Элеоноры, повернулся к ней и сжал ее руку. – Какое горе... какое горе... истинный гений...

– Да.

Тут разожгли погребальный костер, языки пламени начали лизать облитые керосином дрова, танцевать на мелких кусках топляка. Мужчины, которые развели огонь, поспешно отступили, несколько раз перекрестившись.

Зрелище было жуткое – безжизненное тело под покрывалом, подбирающийся к нему огонь... Вдруг Элеонору пробила сильная дрожь.

Как же так? Эдмунд не должен был умереть таким молодым. Элеонору охватило раскаяние и чувство вины. Наверное, ей вовсе не нужно было привозить его сюда.

Элеонора была уверена, что действует во благо мужу. Здесь ему будет лучше, он укрепит здоровье. Но теперь она осознала, какой была самонадеянной, какая ложная гордость заставила ее возомнить, что можно отнять у смерти намеченную жертву.

Элеонора привезла Эдмунда в Неаполь, надеясь, что теплый итальянский климат окажет на него благотворное действие. Разумеется, чахотку вылечить невозможно, однако врачи согласились, что от сырой английской погоды будет только хуже. Здесь, думала Элеонора, Эдмунд сможет дышать свежим морским воздухом, отдохнуть от бесконечных требований навязчивых родственников и посвятить всего себя сочинению музыки в стране, где опера процветает.

Но Эдмунд погиб.

Тем временем костер разгорелся сильнее, и вытянутый силуэт на катафалке поглотило пламя. Даже издали запах горелой плоти было ни с чем не спутать. Синьор Кастеллати поднес к лицу руку в перчатке, закрыл нос и рот платком и отвернулся, чтобы не видеть ужасной картины. Даже Дарио опустил глаза.

Но Элеонора не позволила себе отвести взгляд. Это ее последний долг. Единственное, что она может сделать для мужа.

Элеонора будет смотреть, как в пламени исчезают его бранные останки, а потом заберет прах. А после того как завершится труд Эдмунда и его опера будет

поставлена в Неаполе, Элеонора привезет его прах домой, в Англию.

Глава 1

Энтони, лорд Нил, срезал печать с конверта, который только что принес ему лакей, и быстро прочел письмо. Вздохнул. Старшая сестра Гонория сообщала, что во второй половине дня планирует нанести ему визит. Зная Гонорию, он предвидел, что карета прибудет почти одновременно с посыльным.

Энтони охватило трусливое желание приказать, чтобы на конюшне седлали лошадь, а потом притвориться, что его не было дома и письма он не получал. Но, увы, так поступить Энтони не мог. Со дня смерти сэра Эдмунда прошло всего полгода. И хотя сестра его частенько раздражала, нельзя вести себя подобным образом с горюющей матерью.

Бросив письмо на стол, Энтони позвонил в колокольчик, вызывая лакея, и велел тому зайти на кухню и сказать дворецкому, что леди Гонория останется к чаю... а может, и к ужину.

Энтони подошел к окну и посмотрел на подъездную дорожку. Это был его любимый вид – широкий главный двор, дорожка и деревья, но сейчас Энтони ничего перед собой не замечал. Мысли его были обращены к племяннику, погибшему полгода назад.

Энтони не был особенно близок с Эдмундом, как, впрочем, и с другими родственниками. Гонория, несомненно, сказала бы, что виной тому его нрав. Однако Энтони хорошо относился к Эдмунду и считал его человеком талантливым и многообещающим. Энтони опечалило известие о смерти Эдмунда, и он считал, что теперь прекрасные музыкальные произведения так и останутся несозданными.

Давно уже стало понятно, что Эдмунд долго не проживет. Он с детства был болезненным. Но еще нелепее было потерять его из-за несчастного случая. Энтони невольно приходила в голову мысль, что молодой человек остался бы жив, если б не упрямая женщина, которую он по глупости взял в жены.

В свое время, несмотря на неприязнь к Элеоноре Таунсенд, ныне леди Скарбро, Энтони одобрял переезд в Италию, полагая, что для чахоточного больного теплый солнечный климат полезнее, чем сырые английские зимы. К тому же молодому человеку не мешает уехать подальше от постоянных жалоб и требований матери.

Но с тех пор как Эдмунд погиб, Энтони чувствовал себя виноватым за то, что не уговорил племянника остаться на родине. Только сам Энтони знал, что не обсуждал этот вопрос с сэром Эдмундом исключительно потому, что не хотел лишний раз бывать в его доме, где был риск столкнуться с леди Элеонорой.

Вспоминая о леди Элеоноре, Энтони всегда чувствовал одно и то же – диковинную смесь раздражения и острого плотского желания, а еще мучительную вспышку досады оттого, что не может контролировать ни одно из этих чувств. Черт побери эту женщину, думал Энтони. Что бы она ни делала, леди Элеонора была совершенно невозможна, и, наверное, поэтому ее было невозможно забыть.

С момента их первой встречи прошел год, однако Энтони помнил каждую секунду...

Энтони постучал в дверь дома Элеоноры Таунсенд и ждал, мечтая оказаться где угодно, только не здесь. Он жалел, что обещал сестре поговорить с невестой сэра Эдмунда.

Просьба сестры претила сэру Энтони. Все в душе его восставало при одной мысли. Сам сэр Энтони предпочитал, чтобы в его жизнь никто не вмешивался, и не желал лишать других той же привилегии.

Но Гонория буквально умоляла его, театрально прижав руки к трепещущей груди. Энтони должен спасти ее единственного сына из лап жадной до денег гарпии, говорила сестра. По молодости и неопытности Эдмунд сделал предложение авантюристке из Америки. Эта Элеонора Таунсенд наверняка завлекла его обманом, уверяла Гонория. Энтони должен нанести визит охотнице за женихами, поймавшей в свои сети Эдмунда, и расстроить брак. По мнению Гонории, достаточная сумма денег поможет разубедить любую авантюристку.

Гонория, на самом деле являвшаяся не родной, а сводной сестрой Энтони, напомнила ему о долге главы семьи, особенно по отношению к ней. Гонории было четырнадцать, когда мать Энтони умерла при родах, едва произведя его на свет. Если верить словам Гонории, она практически одна вырастила Энтони. И уж он-то, напомнила Гонория, должен лучше всех понимать, каких бед может наделать красавица-авантюристка, женив на себе богатого мужчину.

Энтони никогда не забывал о своем долге перед семьей – этот урок ему внушали с детства. Но для сестры обязанности графа непостижимым образом совпадали с ее собственными желаниями. Кроме того, Энтони знал, что Гонория вышла замуж и уехала из дома, когда ему было пять лет, и воспитывали его старая няня и несколько сменявших друг друга гувернанток, а когда мальчик подрос, его отправили в школу, в Итон. Поэтому Энтони не трогали заверения Гонории, что она «заменила ему мать».

В другой ситуации Энтони бы отказался, заявив, что не считает своей обязанностью вмешиваться в личную жизнь взрослого мужчины двадцати четырех лет от роду.

Но сэр Эдмунд – дело другое. Была в нем какая-то детская наивность – редкое качество для молодого аристократа, к тому же Эдмунд обладал талантом, восхищавшим и удивлявшим Энтони. Он предполагал, что Эдмунд гениальный музыкант, однако жизненный опыт молодого человека был настолько же мал, насколько велик его дар. Энтони, относившийся к нему с большей теплотой, чем к другим родственникам, не желал, чтобы мальчику пришлось разрываться между матерью и невестой.

Кроме того, в одном Гонория была права: Энтони и правда не понаслышке знал об опасности, исходящей от корыстных красавиц. Его отец женился как раз на такой женщине, когда Энтони было шестнадцать, и та сумела вбить клин между отцом и сыном и чуть было вовсе их не рассорила.

Наконец Энтони согласился, и вот теперь он стоял и ждал на пороге Элеоноры Таунсенд. Энтони робко понадеялся, что никого нет дома, но напрасно.

Двери распахнулись, и он увидел слугу, подобных которому ни разу не встречал. Это был низкорослый коренастый мужчина, на груди и руках у него бугрились мускулы, от напряжения которых едва не лопался пиджак. Одно ухо неровной

формы, нос перебит, на лице несколько коротких шрамов. Больше похож на боксера или разбойника, подумал Энтони.

– Лорд Нил, – представился Энтони, достал из портфеля визитную карточку и протянул слуге.

У британского лакея или дворецкого был бы маленький серебряный поднос для визитных карточек, но этот человек просто взял ее в руку. Подозрительно рассмотрел, затем кивнул Энтони.

– Я ей скажу, – проговорил мужчина и ушел, оставив Энтони стоять у двери.

Тот удивленно смотрел вслед слуге. В первый раз его заставили ждать в холле. Человека с таким титулом и состоянием всегда встречали почтительным поклоном и провожали в лучшую гостиную.

Другой бы на его месте оскорбился. Но Энтони ситуация позабавила.

Гонория предупреждала, что мисс Таунсенд «не нашего круга». Во-первых, она американка. Во-вторых, будучи не замужем, живет в Лондоне, не имея компаньонки, если не считать молодую индийскую няню, присматривавшую за прибывшими вместе с ней двумя детьми, а ее, по мнению Гонории, можно не считать. В-третьих, когда один из слуг Гонории по ее поручению наблюдал за домом с другой стороны улицы, выяснилось, что здесь проживают самые дикие люди из разных стран. Двое детей, о чьих родителях ничего известно не было, – мальчик американец, девочка, кажется, француженка, – вышеупомянутая индианка, а также африканец, носящий не ливрею, как подобает слуге, а костюм джентльмена. Если верить сплетням, собранным шпионом Гонории в ближайшем пабе, этот человек – поверенный мисс Таунсенд.

Ожидая хозяйку, Энтони разглядывал скромную, но элегантную обстановку. Как бы там ни было, вкус у мисс Таунсенд безупречный.

Энтони задумался, действительно ли эта женщина – жадная гарпия, какой ее описала его сестра. Гонория была склонна драматизировать и вдобавок, по мнению Энтони, слишком опекала сына. Эдмунд был болезненным мальчиком, склонным к катарам, и постоянно кашлял. Несколько раз врачи уверяли Гонорию, что очередную зиму ее любимому сыну не пережить.

По этой причине, а также в силу характера Гонория всю жизнь продержала Эдмунда около себя, всячески его балуя, пока мальчик не вырос и не настоял на переезде в Лондон, где начал самостоятельную жизнь. Даже тогда Гонория все время вызывала его к себе под разными предлогами, при этом то обращаясь с ним как с маленьким, то прося, чтобы решил ту или иную ее проблему. Гонория не уделяла внимания ни своей дочери Саманте, ни теперь уже покойному мужу, будучи одержима сыном. Впрочем, считал Энтони, в этом Саманте повезло.

Конечно, Гонория не собиралась без боя отдавать сына другой женщине, и Энтони подозревал, что даже святая не заслужила бы одобрения старшей леди Скарбро.

Однако от подозрений Гонории нельзя было просто отмахнуться. Титул и состояние Эдмунда, хотя и не настолько впечатляющие, как у Энтони, легко могли послужить приманкой для авантюристки. А учитывая неважное здоровье Эдмунда, его частый жар и легочные недомогания – Энтони опасался, что это смертельная чахотка, а не просто слабые легкие, как утверждала Гонория, – вышеупомянутая авантюристка могла рассчитывать, что ей не придется слишком долго играть роль любящей жены и через пару лет она останется богатой вдовой.

Заслышав шаги, Энтони обернулся и застыл. Вышедшая к нему женщина сражала наповал.

Высокая и статная, с густыми волосами цвета воронова крыла и ярко-голубыми глазами. Подбородок, пожалуй, чересчур волевой, да и скулы слишком сильно выдаются, но эти черты смягчали мягкие очертания пухлых губ и большие завораживающие глаза. На ней было ярко-синее платье, слишком смелое для благовоспитанной девицы, и держалась она уверенно, высоко подняв голову, глядя ему прямо в лицо.

Мощная волна чисто физического желания нахлынула на Энтони, совершенно его ошеломив. Энтони привык полностью себя контролировать, а в возрасте тридцати пяти лет считал, что дни юности, когда страсть захлестывает и бьет через край, давно в прошлом. Но эта женщина...

Энтони бессознательно шагнул к ней, но тут же опомнился и замер. Усилием воли он поборол всплеск желания.

Неудивительно, подумал Энтони, что такая женщина покорила сердце сэра Эдмунда. И очевидно, что сестра оказалась права – мисс Элеонору Таунсенд интересует только кошелек жениха. Не может такая женщина полюбить его застенчивого, неловкого племянника. Хотя странно, что она не подыскала себе мужчину побогаче или познатнее.

Подобные красавицы вдохновляют поэтов, из-за таких начинаются войны. И, судя по уверенным манерам, она прекрасно знает о своих чарах. Окажись перед Энтони милая робкая девочка из деревни, он еще мог бы поверить, что она влюбилась в его племянника – скажем, была очарована его гением или ощущала желание проявить о нем материнскую заботу.

Но Элеонора Таунсенд – далеко не наивная девушка. Это женщина в самом расцвете красоты, сильная и уверенная. Только глупец поверил бы, что ее пленил Эдмунд.

Увы, Энтони отлично знал натуру властных красавиц и способы, какими они заманивают в ловушку слабых или одиноких мужчин, чтобы те не почувляли подвоха.

– Лорд Нил? – произнесла Элеонора Таунсенд. В глазах ее читалась настороженность, и это лишний раз убедило Энтони, что она авантюристка. Женщине с честными намерениями незачем опасаться родственников жениха. – Вы дядя Эдмунда?

Энтони коротко кивнул, злясь, что от ее низкого гортанного голоса с легким американским акцентом возникают совершенно неуместные ощущения ниже пояса.

– Да.

Элеонора Таунсенд чуть приподняла брови, и Энтони осознал, что ответ его прозвучал грубо. Энтони вообще чувствовал себя скованно в светской обстановке. Он любил интеллектуальные беседы, однако искусство бессодержательной вежливой болтовни так и не освоил. Впрочем, Энтони и не пытался, с презрением относясь и к самим светским разговорам, и к ситуациям, когда их надо поддерживать. Он имел репутацию человека резкого и

нелюдимого, и на высокие приемы его продолжали звать только из-за денег и положения. Но сейчас Энтони был еще скованнее, чем обычно, выведенный из равновесия непредвиденной реакцией своего тела.

– Не желаете пройти в гостиную? – предложила Элеонора Таунсенд, указывая на дверь в конце коридора, потом повернулась и зашагала в указанном направлении. – К сожалению, Эдмунда нет дома.

– Я и не ожидал его застать. – В конце концов, еще нет и двенадцати – слишком рано для визита. – Я пришел поговорить с вами, мисс Таунсенд.

– В самом деле? Я польщена.

Энтони уловил ироническую нотку в ее голосе. Элеонора Таунсенд опустилась в кресло, жестом предложила Энтони последовать ее примеру и посмотрела на него спокойно и выжидательно.

Лорд Нил от такого взгляда смутился и без всяких предисловий выпалил:

– Моя сестра, леди Скарбро, просила меня встретиться с вами.

– Ах вот как? – только и произнесла Элеонора.

– Она... я... вы не можете стать женой Эдмунда.

Уже произнося эти слова, Энтони понял, что побил все рекорды бестактности. Он почувствовал, что краснеет. Проклятая авантюристка! В ее присутствии он стеснялся будто школьник.

– Неужели? Отчего же? Есть какое-то препятствие? – с холодным сарказмом спросила Элеонора.

Энтони ждал бурного негодования, и ее спокойная реакция, как ни странно, его разочаровала. Видимо, Элеонора была готова к чему-то подобному.

– Есть элементарные приличия, – отрезал Энтони.

– Разве прилично, что Эдмунд живет в моем доме, не будучи связан со мной узами брака? – ответила Элеонора. Ее голубые глаза с вызовом смотрели на него.

Этот взгляд послужил последней каплей, и Энтони захлестнула злость.

– Могли бы догадаться, что его родные будут против, – сердито бросил он.

– Разумеется. Для вас это будет немалая потеря, – ответила Элеонора. Ее слова будто сочились ядом. Энтони не совсем понял, что она имела в виду, но почувствовал ее презрение. Бесполезно убеждать и уговаривать эту женщину. Лучше сразу перейти к делу.

– Я готов вам заплатить.

– Заплатить? – Брови Элеоноры взлетели вверх, и она нежно промурлыкала: – Чтобы я не выходила за Эдмунда? – Элеонора скрестила руки на груди. – И сколько вы готовы предложить?

На секунду Энтони решил, что она согласна. Его охватила надежда, почему-то смешанная с разочарованием, и Энтони назвал сумму гораздо большую, чем собирался.

Элеонора без всякой поспешности встала, в каждом движении сквозило королевское изящество и властность, и Энтони сразу понял, как ошибался. Он недооценил противницу.

– Как интересно, – язвительно проговорила Элеонора. – Стало быть, ваша родственная забота выражается исключительно в денежном отношении. Я не скажу Эдмунду о вашем предложении, ведь он так восхищается вами, а я не хочу причинять ему боль.

Элеонора чуть подрагивала от ярости, голубые глаза сверкали, а Энтони, к собственному удивлению и отвращению, почувствовал, что похоть его усилилась.

– Мне очень жаль, – сухо продолжила Элеонора, ясно давая понять, что на самом деле ни о чем не жалеет, – но вынуждена ответить «нет». Пожалуйста, передайте леди Скарбро, что она опоздала. Сын вырвался из ее цепких рук. Мы с сэром Эдмундом поженились вчера по особому разрешению.

С тех пор Энтони ни разу не видел Элеонору. Спустя два месяца они с сэром Эдмундом отплыли в Италию. А еще через год сэр Эдмунд погиб.

Звук колес, катившихся по подъездной дорожке, вывел Энтони из раздумий. Прибыла карета сестры. Лакей подбежал, опустил ступени, открыл дверцу и помог Гонории спуститься.

Сестра была одета во все черное, фигура ее, несмотря на средний возраст, до сих пор была безупречно стройна. Гонория казалась трогательно хрупкой. Со шляпы спадала плотная траурная вуаль, дойдя до крыльца, Гонория отбросила ее так, что ткань красиво обрамила лицо. Гонория всегда стремилась произвести нужное впечатление, но не в ущерб внешности.

Энтони укорил себя за циничную мысль, ведь старшая сестра недавно потеряла единственного сына, и неудивительно, что она так тяжело скорбит – пусть даже несколько преувеличенно.

Энтони вышел поприветствовать Гонорию, стараясь не показывать нетерпения.

– Гонория.

– Ах, Энтони!

Слезы заполнили ее прозрачные голубые глаза, и Гонория протянула руки к брату, чуть наклонившись вперед, будто давая понять, что вот-вот лишится чувств.

Энтони взял ее за руки и быстро проводил в гостиную, к дивану. Опыт общения с сестрой подсказывал, что бурной сцены лучше избежать.

– Чем обязан? – спросил Энтони, сразу беря быка за рога.

– Ах, Энтони, – повторила Гонория, прижав ладонь к сердцу, и заглянула ему в глаза: – Эта женщина убила моего сына!

Глава 2

От подобного заявления Энтони лишился дара речи.

Он сразу понял, о какой женщине речь. Сестра называла так только одну особу и только о ней говорила столь презрительным тоном. Однако обвинение в убийстве – это даже для Гонории чересчур. Энтони нахмурился:

– А есть у тебя доказательства? Нельзя обвинять людей без причины.

– Она прислала мне письмо. Сообщает, что возвращается.

– Это вполне естественно, Гонория, – возразил Энтони. Возможно, подозрения сестры больше ни на чем не основаны.

– Естественно? Что ж тут естественного? – резко ответила Гонория, сердито сбросив с головы скорбный покров. – Она везет с собой прах Эдмунда. Прах!

– Но, Гонория, разве ты сама не хотела, чтобы Эдмунд...

– Конечно, я хочу, чтобы мой сын упокоился на родине. – Гонория вновь поднесла к глазам платок. – Но я хочу его похоронить. А она меня даже этого утешения лишила. Энтони, эта женщина сожгла его!

– Да, Гонория, знаю.

– Как ты не понимаешь – ведь это ужасно! Теперь мы даже не можем похоронить его тело в семейном склепе Скарбро. Какая жестокость! О, как бесчеловечно! Сначала увезла его в эту отвратительную страну вдали от дома. И все мне назло! Уж я-то чувствую. А теперь... теперь она отняла его навсегда, лишила последней отрады. Это уже переходит все границы! Какое святотатство!

Многие считают, что с точки зрения религии нехорошо сжигать умерших, подобно язычникам. Однако Гонория до этого момента религиозностью не отличалась.

Энтони только заметил:

– Иначе она не смогла бы привезти его останки из Неаполя.

Гонория бросила на него сердитый взгляд:

– Речь не об этом. Эдмунду вообще туда ехать не следовало. Здесь я бы о нем позаботилась. Потому она и забрала его в Италию, подальше от близких. Хотела, чтобы никто не помешал ее замыслам. Если бы Эдмунд остался дома, ничего этого не случилось бы. Он был бы жив!

Гонория снова залилась слезами. Энтони вздохнул.

– Эдмунд был взрослым мужчиной, Гонория. Он не ребенок, которого можно увезти насильно. И мы не вправе были его удерживать, – возразил Энтони.

– Тебе следовало бы проявить настойчивость.

– Я же не мог предвидеть, что с Эдмундом там случится несчастье, да еще и в море, – разумно возразил Энтони, оправдываясь одновременно и перед сестрой, и перед собой. – Он вообще никогда под парусом не ходил.

– Вот именно! – победоносно возвестила Гонория, и глаза ее вспыхнули. – Эдмунд терпеть не мог подобные занятия. Сам помнишь. Верхов ездить так толком и не научился. Эдмунд не любил спорт.

– Верно.

– Ну вот! Теперь понимаешь? Откуда нам известно, что с Эдмундом произошел несчастный случай в море? – продолжала Гонория. – Никаких доказательств, кроме ее письма!

Энтони задумался. Сестра, конечно, склонна к истерикам и чрезмерному драматизму, но в ее словах есть доля правды. Странно, с чего это Эдмунд вздумал плавать на парусной лодке? Он сам никогда не занимался спортом и не понимал, что в этом находят другие. Больные легкие не позволяли ему участвовать в мало-мальски утомительных мероприятиях, вдобавок одна мысль повредить руку или обе и лишиться возможности исполнять свою музыку приводила Эдмунда в ужас.

– И зачем она сожгла тело, если ничего не хотела скрыть? – Гонория заметила колебания Энтони и решила закрепить преимущество. – Станный поступок. Подозрительный. Тут дело нечисто. Ведь тело можно выкопать. А яд обнаруживается и после смерти. Я слышала.

– Это правда.

– Но теперь эксгумировать нечего, отравление не доказать. Не увидеть ни трещину в черепе, ни другие ранения. Никто не узнает, что на самом деле он вовсе не в море погиб.

– Но зачем ей его убивать?

Энтони трудно было поверить, что Элеонора, как бы алчна она ни была, способна на убийство. Гонория наградила брата презрительным взглядом:

– Ради денег, конечно.

– Деньги она уже получила. И вряд ли Эдмунд был слишком обременительным супругом.

– Какая у женщины может быть причина расправиться с мужем? – хладнокровно сказала Гонория. – Встретила другого. Устала выпрашивать деньги. Хочет пожить в свое удовольствие, а он ей не позволяет. Не удивлюсь, если, выходя замуж, она надеялась, что дольше пары месяцев он с такими слабыми легкими не протянет, но расчет не оправдался. Вот мерзавка и решила помочь.

– Гонория...

– Я не вчера на свет родилась, Энтони. Вы, мужчины, только завидите смазливое личико и стройную фигурку... Между прочим, женщины тоже способны убивать ради своих целей.

– Не сомневаюсь. Но у нас нет оснований предполагать, что эта конкретная женщина способна на убийство.

– Должно быть, Эдмунд ее раскусил. Энтони, он вычеркнул ее из завещания! Что еще делать мужчине, если он узнаёт, что ненасытная стервятница вышла за него ради денег? А может, она изменяла ему с другим? Или и то, и другое одновременно.

– Эдмунд вычеркнул жену из завещания?

– Да. Ни цента ей не оставил.

Энтони нахмурился. Нужен был очень серьезный повод, чтобы такой человек, как Эдмунд, оставил супругу без средств к существованию.

– И все-таки, Гонория, это скорее аргумент против твоей версии. Ей в случае смерти мужа ничего не полагалось.

– Возможно, она об этом не знала. Эдмунд не сказал, что изменил завещание. Кроме того, эта женщина все-таки может подобраться к деньгам. Эдмунд все оставил сестре – кроме имения, разумеется, оно отошло сэру Малькольму. Почему Эдмунд так поступил, ума не приложу. Я ведь его мать, и...

– Эдмунд ничего тебе не оставил? – недоверчиво уточнил Энтони.

– Самую малость, – нехотя признала Гонория и отмахнулась: – Так, жалкие крохи. Однако таков удел матери. – Гонория вздохнула с видом мученицы.

– А леди Элеоноре от этого какая выгода? – спросил Энтони, возвращая сестру к теме разговора.

– Эдмунд оформил на нее доверительную собственность! – с возмущением воскликнула Гонория. – Я мать Саманты, он должен был доверить мне деньги до

ее совершеннолетия. А теперь эта женщина ее опекунша!

– Зачем же Эдмунд вычеркнул леди Элеонору из завещания, но при этом дал ей доступ к деньгам Саманты на ближайшие шесть лет? – произнес Энтони.

– Не знаю. Эдмунд никогда деньгами управлять не умел.

Кто бы говорил, подумал Энтони, однако счел разумным промолчать.

– Представляешь, какая возможность ей предоставилась – спустить все состояние Саманты! – продолжила Гонория. – В письме она обещала, что «даст мне объяснения» по этому поводу, когда доставит домой прах бедного Эдмунда. Не нужны мне ее «объяснения». Все понятно. Мы с моей несчастной дочерью будем жить в нищете, она ограбит Саманту!

– Гонория, успокойся. Я этого не допущу, – серьезно пообещал Энтони. Даже делая скидку на ее склонность преувеличивать, он забеспокоился от таких новостей. Конечно, у версии Гонории концы с концами не сходятся, однако игнорировать ее тоже нельзя. Если Элеонора и правда контролирует финансы Саманты, она может забрать значительную часть себе, и никто даже не узнает. Да и в смерти Эдмунда все-таки было кое-что подозрительное.

– Но как ты сможешь остановить преступницу? Ведь она уже безнаказанно совершила убийство, а теперь присвоила деньги Саманты.

– Я встречу с ней, – ответил Энтони, – и доходчиво объясню, что, если хоть пенни пропадет, я заставлю ее за это ответить.

Элеонора вышла из кареты и на секунду замерла, глядя на собственный дом. Это было элегантное строение из белого камня с четкими, симметричными линиями, и у Элеоноры потеплело на сердце при мысли, что она снова его видит. Элеонора уже почти год не была дома и только сейчас поняла, как соскучилась.

Дети выскочили вслед за ней с ликующими криками, радуясь свободе после целого дня, проведенного в тесноте кареты.

– Ура! Мы дома!

Няня, миниатюрная тихая индианка по имени Керани, гораздо более медленно последовала за ними.

– Подождите, пожалуйста, – мягко окликнула она детей, и только из привязанности к ней те остановились около крыльца, подпрыгивая от нетерпения, и ждали, пока няня к ним не присоединится.

Улыбающийся лакей открыл дверь и шагнул в сторону, пропуская вперед Бартвелла.

– Мисс Элеонора!

На покрытом шрамами лице Бартвелла сияла улыбка. Можно подумать, уж год прошел, а не несколько дней, как ее старый друг и дворецкий видел их в последний раз, с нежностью подумала Элеонора. Как только корабль вошел в порт, слуги выехали вперед, чтобы открыть дом и все подготовить, а Элеонора с детьми на несколько дней задержались. Благодаря этому малыши смогли немного отдохнуть от путешествия. За долгие дни в каюте корабля, отплывшего из Италии, дети измучились от скуки и невозможности побегать. Кроме того, к радости Элеоноры, задержка позволила вырваться из обременительного общества мистера и миссис Колтон-Смит.

Хьюго Колтон-Смит, мужчина средних лет, кузен захудалого барона, всю жизнь прослуживший чиновником, и его жена Аделаида плыли на том же корабле из Неаполя в Англию. Супруги взяли на себя роль ее старших сопровождающих, дабы «соблюсти приличия». Полугода вдовства, по их мнению, недостаточно, чтобы приспособиться ко всем тяготам жизни, даже если речь идет о замкнутой жизни на корабле. А главное, необходимо защитить бедняжку от нежелательного внимания со стороны пассажиров мужского пола, многие из которых иностранцы, а у некоторых на лбу написано, что они авантюристы, для которых несчастная – и богатая – вдова станет легкой добычей.

Элеонора внушала себе, что намерения у Колтон-Смитов самые добрые, и гнала мизантропическое подозрение, что супруги делают это для того, чтобы потом иметь возможность вставить в разговор: «Когда мы путешествовали с леди Скарбро...» Однако все труднее становилось выслушивать их скучные и

ограниченные рассуждения.

Элеонора опасалась, что Колтон-Смиты захотят ехать с ней до Лондона, и по этой причине мысль задержаться на несколько дней, пока Бартвелл приводит дом в порядок, показалась ей посланной свыше.

– Здравствуйте, Бартвелл. – Элеонора поприветствовала дворецкого со счастливой улыбкой и обняла его. Многие посчитали бы ее выбор слуги странным. В юности он занимался кулачным боем, а уйдя из спорта, служил ее отцу, сколько Элеонора себя помнила, и любил ее будто родную дочь. Когда отец отослал пятнадцатилетнюю Элеонору в английскую школу, Бартвелл поехал с ней, и девушка была очень благодарна ему и за компанию, и за поддержку.

– Уверена, все готово.

– Как всегда, мисс, – с улыбкой ответил Бартвелл. – С этим вашим якобы французским поваром чуть припадок не случился. Но мы все подготовили для вас и малышей.

Бартвелл повернулся к вышеупомянутым малышам, вежливо кивнул застенчивой, немногословной индианке, потом предложил Натану продемонстрировать свою боксерскую форму, выставив перед собой руки, и похвалил новый чепчик Клэр.

Элеонора достала из кареты тиковую шкатулку, которая ехала с ней на соседнем сиденье от самого побережья. Шкатулка была изготовлена из темного дерева высшего качества и покрыта тонкой резьбой, петли и замок золотые.

Проглотив комок в горле, Элеонора тихо проговорила:

– Теперь ты дома, милый.

– Мисс Элли, – раздался за ее спиной низкий голос, – добро пожаловать домой. Дайте помогу.

Элеонора с улыбкой обернулась:

– Здравствуй, Закари. Рада тебя видеть.

Еще один человек, слуга, чье присутствие в доме было темой для сплетен. У Закари была темная кожа – ненамного светлее, чем шкатулка в руках Элеоноры, – поэтому общество возмущало, что он не слуга ее, а поверенный. Закари и его мать были рабами, принадлежавшими одному южанину, у которого гостил отец Элеоноры. Он выкупил и мальчика, и женщину, а вернувшись домой, дал им свободу. Мать Закари работала поварихой у них на кухне, а мальчик оказался настолько умен, что мистер Таунсенд оплатил его образование. Закончив школу, Закари поступил на службу к мистеру Таунсенду, а несколько лет назад, после смерти отца Элеоноры, перешел к ней и с тех пор улаживал все деловые вопросы.

Элеонора, не раздумывая, передала шкатулку поверенному. Закари и Бартвеллу она доверяла больше всех, не считая дорогой подруги Джулианы. К тому же Закари восторгался талантом ее мужа, и они провели много вечеров за разговорами о музыке.

– Отнеси, пожалуйста, в музыкальный салон.

– Разумеется.

Элеонора отправилась в дом, остальные последовали за ней, и там их, выстроившись в ряд, встречали остальные слуги. Элеонора устала, однако уклоняться от своих обязанностей не привыкла, поэтому поприветствовала каждого вернувшегося вместе с ней из Италии по имени и позволила Бартвеллу представить ей тех, кого он нанял за эти дни.

Дети унеслись наверх, Элеонора же, отдав шляпу и легкий дорожный плащ лакею, прошла по коридору к музыкальному салону. Она закрыла за собой дверь и остановилась, глядя по сторонам. В этой комнате Эдмунд проводил почти целый день, и все здесь напоминало о нем. У Элеоноры кольнуло сердце, когда она увидела пианино, за которое Эдмунд никогда больше не сядет.

Она подошла и опустилась на мягкое сиденье. На пюпитре не было нот, в канделябрах стояли ни разу не зажигавшиеся свечи. Комнату явно содержали в порядке – на инструменте ни пылинок, – однако Элеонору не покидало ощущение пустоты и заброшенности.

Она вспомнила, как в первый раз увидела сэра Эдмунда. Фрэнсис Бакминстер устроил у себя в доме музыкальный вечер. А Элеонора была известным меценатом. Хотя сама она талантами не обладала, творения людей одаренных доставляли ей величайшее удовольствие, Элеонора не жалела денег, покровительствуя людям искусств. Где бы она ни жила, в Нью-Йорке, Лондоне или Париже, ее модную гостиную посещали друзья-меценаты, а также писатели, композиторы и другие деятели искусств, которыми Элеонора восхищалась. В аристократические круги Лондона Элеоноре доступа не было. Несмотря на обучение в Англии, ее американские корни и семейное состояние, нажитое путем торговли, навечно уготовили ей место изгоя среди лондонской элиты. Однако у Элеоноры было много друзей и знакомых из мира искусства, и она имела возможность наслаждаться активной жизнью и общением с людьми из всех слоев общества.

Сэр Эдмунд исполнил на музыкальном вечере одну из своих сонат, и Элеонора была потрясена не только виртуозной игрой, но и красотой произведения, растрогавшей ее почти до слез. Элеонора сразу поняла, что этот бледный, хрупкий, светловолосый юноша – гений.

За последующие несколько недель они стали друзьями. В отличие от большинства ее знакомых музыкантов, денежная помощь Эдмунду была не нужна. Но, познакомившись с ним поближе, Элеонора поняла, что он очень нуждается в помощи другого рода. У Эдмунда явно были проблемы со здоровьем, время от времени его сотрясали мучительные приступы кашля – очевидно, чахотка. Сырой английский климат в таких случаях вреден, решила Элеонора, но, когда посоветовала Эдмунду уехать в места с более теплым климатом, он только печально улыбнулся и ответил, что не может.

Оказалось, причина – его мать, жадная, требовательная, властная женщина, манипулировавшая сыном в своих интересах. Стоило Эдмунду переехать из поместья в графстве Кент в Лондон, мать начала забрасывать его письмами, то рассказывая о проблемах, решить которые способен только он, то жалуясь, что соскучилась. Беды сыпались как из рога изобилия – слуга ворует, управляющий выдает недостаточно денег на хозяйство, младшая сестренка без любимого брата по ночам плачет в подушку. В результате сэр Эдмунд по меньшей мере раз в две недели мчался домой, бросая работу над своей оперой. А когда леди Скарбро сама приезжала в Лондон, становилось еще хуже. Она требовала, чтобы сын сопровождал ее на балах, суаре, в клубе «Олмак», где знакомила его с подходящими невестами, одобренными ею лично.

Сэр Эдмунд никогда не спорил с матерью и часто бросал свои дела, чтобы исполнять ее поручения, с которыми, по мнению Элеоноры, даже самая недалекая женщина справилась бы сама. Как только леди Скарбро уезжала, Эдмунд тут же кидался наверстывать потерянное время и сидел за пианино ночи напролет. Случалось, что Эдмунд забывал поесть, и на пользу это ему не шло.

Слуги Эдмунда были небрежны, хозяйство велось кое-как, а сам он весьма смутно представлял, какие доходы получает от положенного по титулу имения и каковы проценты с денег, завещанных ему бабушкой по материнской линии. Такое невнимание к бытовой стороне жизни не удивляло Элеонору, она привыкла к людям искусства и знала, как часто практические вопросы ставят их в тупик.

Элеонору так и подмывало взять дело в свои руки. Ей всегда тяжело было смотреть, как у людей все идет наперекосяк, ведь Элеонора обладала недюжинными способностями организатора. Некоторые считали ее настырной и неугомонной. Но Элеонора заметила, что среди тех, кому она помогла, людей, думающих так, не было. Напротив, все подопечные только выиграли от ее вмешательства.

Элеонора была уверена, что сумеет наладить жизнь сэра Эдмунда. Но проблема в том, что она не имела на это права. Эдмунд самостоятельный человек, а не бедный сирота или слуга, зависящий от хозяев. Конечно, Элеонора могла давать ему советы – что и делала при первой возможности, – но сэр Эдмунд не выносил даже мелких конфликтов и вообще полагал, что будничные дела того не стоят, поэтому привычек своих не менял.

Однажды Эдмунд пришел к ней бледный и мрачный и, кашляя через каждое слово, поведал, что тревожится за мать. Она прислала сыну душещипательное письмо с жалобами на одиночество и длинным списком проблем, которые не в состоянии решить без него. Элеонора испугалась за здоровье Эдмунда, разозлилась на эгоистичную леди Скарбро, и тут ее наконец осенило.

Элеонора предложила сэру Эдмунду пожениться. В качестве его супруги она сможет привести в порядок и домашние, и финансовые дела, а также следить, чтобы он спал и ел сколько нужно. И главное – защищать его от матери.

Конечно, Элеонора не любила его так, как женщина любит мужчину. Можно сказать, они заключили брак по расчету. Но Элеонору это не смущало. Она давно поняла, что семейная жизнь, о которой мечтают другие девушки, не для нее. Почти все увивавшиеся за ней мужчины рассчитывали на богатое приданое, а Элеонора была слишком проницательна, чтобы верить их сладким речам. А те, кто не искал богатую невесту, за ней не ухаживали. Поначалу их притягивала красота Элеоноры, но вскоре они теряли к ней интерес.

Уж слишком Элеонора строптивая, говорила ее мачеха Лидия. Слишком несговорчивая и чересчур независимая. Мужчине нужна покладистая супруга, мягкая и женственная, которая ищет помощи у него, а не кидается решать проблемы всех окружающих.

А Элеоноре вовсе не хотелось выходить замуж за мужчину, которому требуется бессловесная супруга. Все ухажеры были либо глупы, либо жадны, либо слишком властны – иногда одновременно. Элеонора не желала во всем слушаться мужа, отказаться от собственных денег и свободы. В свои двадцать шесть Элеонора была убеждена, что останется старой девой, и перспектива эта ее вовсе не пугала. Она пришла к выводу, что романтическая любовь, о которой грезят другие, – просто выдумка, и больше ничего.

Брак с сэром Эдмундом вполне устраивал Элеонору. Она будет заботиться об этом удивительно талантливом человеке. Сделает так, что его чудесная музыка сможет дойти до людей. А сама Элеонора вновь испытает радость от того, что наладила еще чью-то жизнь.

Эдмунд согласился сразу. Он восхищался силой характера и целеустремленностью Элеоноры и любил ее настолько, насколько вообще мог любить что-то, кроме музыки. Эдмунд был человек пассивный, сильные чувства приберегал для своего искусства и потому обрадовался, что Элеонора готова взвалить на свои плечи столь обременительную ношу, отвлекавшую композитора от его истинной любви.

Все получилось, как планировала Элеонора. Эдмунд переехал в ее отлично содержавшийся дом с идеальным хозяйством и посвятил себя музыке. Элеонора следила за его здоровьем и финансами, а переговоры с матерью взяла на себя. В результате леди Скарбро ее возненавидела, но Элеонору это не слишком огорчало. Они с Эдмундом переехали в Неаполь, и в теплом климате ему становилось лучше с каждым днем. Элеонора была довольна и счастлива.

А потом сэр Эдмунд погиб.

На глаза ей навернулись слезы, и Элеонора с нежностью провела рукой по блестящей деревянной крышке пианино. Что за жестокий поворот судьбы – добиться таких успехов в борьбе с болезнью Эдмунда, чтобы потерять его из-за нелепейшего несчастного случая.

Элеонора приблизилась к резной деревянной шкатулке, где лежал прах мужа. В задумчивости стала водить пальцем по сложным узорам. Последние полгода она много работала, чтобы предсмертное творение Эдмунда, великолепная опера, которую он сочинил, была поставлена в театре самым достойным образом. Но теперь, когда труд закончен и она сделала все, чтобы память об Эдмунде сохранилась в созданном им произведении, Элеонора чувствовала пустоту и растерянность.

Грусть, на которую она не оставляла себе времени, теперь просочилась в душу. Во время долгого плавания, скрываясь в каюте от вездесущих Колтон-Смитов, Элеонора с беспощадной ясностью осознала, что, несмотря на присутствие в ее жизни детей, друзей и слуг, она безнадежно одинока. Внутри будто зияла пропасть, которой Элеонора раньше не замечала. Причем началось это задолго до смерти мужа.

Элеонора постаралась выкинуть из головы печальные мысли. Ни к чему размышлять о таких вещах. У нее еще остались незавершенные дела. Надо доставить прах Эдмунда в его дом и проследить, чтобы его поместили в семейный склеп. Кроме того, необходимо поговорить с матерью и сестрой Эдмунда и объяснить им детали, связанные с завещанием.

Она могла представить, как «обрадовала» Гонорию Скарбро новость о том, что Элеонора будет контролировать деньги ее дочери, пока той не исполнится двадцать один год. Визит будет трудный, но целых шесть лет иметь дело с этой женщиной еще тяжелее. Элеонору такая перспектива не прельщала, однако долг свой она исполнит. Это последнее, о чем попросил ее Эдмунд, и она сделает все как нужно.

Элеонора со вздохом покинула музыкальный салон и поднялась наверх, в свою комнату. Лакей носил в дом чемоданы, а две горничные суетились, раскладывая вещи по местам. Элеонора отошла, чтобы не мешать, встала у окна и посмотрела

ВНИЗ.

Уже стемнело, и фонарщик ходил по улице, зажигая фонари. Кроме него, кругом не было ни души. Вот загорелась лампа ближайшего фонаря, и свет выхватил из сумерек фигуру, замершую под деревом напротив дома Элеоноры. Это был мужчина, он стоял неподвижно и глядел прямо в ее окно.

Ахнув от неожиданности, Элеонора отпрянула в сторону, чтобы он не смог ее видеть, сердце заколотилось быстро-быстро. Однако вскоре она пришла в себя и снова приблизилась к окну. Черный силуэт исчез.

Пристально вглядываясь в темноту, Элеонора окинула взглядом улицу, но никого не заметила. Этот человек следит за ее домом? Или по случайности взглянул на окно в тот момент, когда она его увидела? Элеоноре хотелось бы верить во вторую версию, но что-то в позе мужчины, в его неподвижности и сосредоточенности наводило на мысль, что он стоял там уже давно. К тому же ушел, как только его заметили. А это само по себе указывает на недобрые намерения.

Элеонора нахмурилась. Нервной барышней она никогда не была. Однако невольно вспомнила странный случай за неделю до отъезда из Неаполя. Ей показалось, что в доме в ее отсутствие кто-то побывал – вещи как будто сдвинуты, замок на одном из окон перестал работать. Но ничего не пропало. Тогда Элеонора не обратила на это внимания, теперь же задумалась. Зачем кому-то за ней следить?

По спине пробежала дрожь. Бояться нечего, сказала она себе. Но вопреки доводам рассудка очень боялась.

Следующий день Элеонора посвятила домашним делам. Велела Бартвеллу проверить замки на окнах и дверях и распорядилась, чтобы на ночь все запирали. Покончив с предосторожностями, Элеонора постаралась забыть о незнакомце. Вместо этого она занялась миллионом дел, накопившихся за время плавания, а также домашними мелочами, необходимыми, чтобы вновь наладить хозяйство. Потом Элеонора села писать записку подруге Джулиане, в которой сообщала, что вернулась.

С Джулианой они дружили уже больше десяти лет, с тех пор как познакомились в школе. Мать Элеоноры умерла, и они с отцом всегда были очень близки. Но едва ей исполнилось четырнадцать, он женился снова, и мачеха, приревновав к падчерице, убедила мужа, что Элеонору необходимо отдать в академию для юных леди. Только там из нее сделают благовоспитанную барышню, которую замуж возьмут в два счета. С милой улыбкой, от которой на щеках играли ямочки, мачеха объясняла, что с таким строптивым нравом девочка обречена на несчастную одинокую жизнь и ее необходимо перевоспитать. Элеонору отправили на корабле в Англию, и она стала одинокой девочкой в чужой стране.

В школе Элеонора была изгоем, с ней не общались из-за американского акцента, странных привычек, а главное – отсутствия английских родственников. Но одинокие дни закончились, когда появилась Джулиана. Ее тоже презирали другие девочки. Происхождение у нее было безупречное, однако отец Джулианы умер, когда она была маленькой, оставив их с матерью без средств к существованию. С тех пор они жили на то, что родственники давали из милости, а Джулиану отправили в школу только для того, чтобы приглядывала за младшей кузиной Серафиной.

Элеонора и Джулиана быстро поняли, что у них много общего – независимость, граничившая с бунтарством, чуткое сердце и живое чувство юмора. Девочки стали неразлучны и спустя годы после окончания школы продолжали дружить, несмотря на долгие расставания. Иногда Джулиана гостила у Элеоноры. Та с радостью приняла бы подругу в свой дом, однако Джулиана была слишком горда. Несколько лет она зарабатывала себе на жизнь, служа компаньонкой. А вскоре после отъезда Элеоноры и Эдмунда в Италию Джулиана вышла замуж за лорда Барра. Элеонора видела его, и хотя не была с ним знакома, по первому впечатлению лорд Барр ей понравился. Теперь она с нетерпением ждала встречи с ними обоими.

Закончив записку и отправив ее со слугой, Элеонора принялась разбирать накопившуюся почту. Через некоторое время один из лакеев принес ей сложенный квадратиком лист бумаги с восковой печатью, украшенной каким-то гербом. По словам лакея, его только что доставил слуга в ливрее.

Элеонора удивленно вскинула брови. Ее друзья и знакомые были не настолько чопорны – и не настолько богаты, – чтобы отправлять письма с одетыми по всей форме лакеями. К тому же кто мог узнать, что она снова в Лондоне? Джулиане было известно, что рано или поздно Элеонора вернется, но точной даты она не

знала. Записка же до нее еще не дошла.

Элеонора взяла конверт с серебряного подноса и сломала печать. Ее взгляд тут же скользнул вниз, к небрежной размашистой подписи, которую Элеонора разобрала не без труда. Энтони, лорд Нил.

Ошеломленная, Элеонора опустила руку. Она вдруг вспыхнула, сердце забилось чаще. Собственная реакция ее раздосадовала, и Элеонора поморщилась. Разве можно терять самообладание от одного имени на бумаге? С ней и раньше общались грубо или свысока, к английской аристократии Элеонора привыкла еще со школьных лет и научилась не обращать внимания на снобов. Кроме того, причина неприязни этого человека в том, что она нарушает его интересы. Ведь он дядя Эдмунда, брат леди Скарбро, и, по подозрениям Элеоноры, пользовался щедростью племянника, чтобы самому не пришлось снабжать деньгами сестру и сэкономленные суммы тратить в свое удовольствие. Или еще хуже – вдруг он тоже жил на деньги Эдмунда и собирался подкупить ее за его счет? Неудивительно, что лорда Нила так расстроила новость о браке Эдмунда и Элеоноры.

Когда год назад он явился к ней, требуя, чтобы она не выходила замуж за его племянника, Элеонора была разочарована. До того момента она надеялась, что хотя бы лорд Нил ее примет. Эдмунд боготворил дядю и уверял Элеонору, что она ему понравится. Но, увидев лорда Нила на пороге, Элеонора избавилась от всех иллюзий.

К ее удивлению, дядя Эдмунда оказался не пожилым джентльменом, каким она его представляла, а высоким, хорошо сложенным мужчиной всего на несколько лет старше ее. Видимо, у леди Скарбро с братом большая разница в возрасте. Красавцем лорда Нила назвать было трудно – подбородок слишком квадратный, черты лица слишком резкие. Но была в нем какая-то сила, помимо воли притягивавшая взгляд. Прямые темные брови придавали лорду Нилу решительный вид, холодные серые глаза обрамляли густые черные ресницы.

При других обстоятельствах Элеонора нашла бы лицо гостя приятным, более того, она неожиданно почувствовала к нему сильное влечение. Это непривычное и неожиданное ощущение заставило ее растеряться и почувствовать себя застенчивой девчонкой. Но, увидев на этом привлекательном лице выражение вежливой холодности, Элеонора поняла, что перед ней враг. Такое выражение она прекрасно знала – ледяное высокомерие английского аристократа,

убежденного в собственном превосходстве над всеми и каждым. Элеонора поняла – такой человек не одобрит брак племянника с американкой, родословная которой не прослеживается вплоть до норманнских завоевателей, а уж когда он поймет, что с привычкой Эдмунда, не считая, раздавать деньги родственникам, покончено...

Конечно же Элеонора оказалась права. Лорд Нил напрямик заявил ей, что она должна отказаться от Эдмунда, и Элеонора с радостью сообщила, что он опоздал, так как они уже поженились накануне по особому разрешению. За этим объявлением последовала резкая перепалка, в ходе которой лорд Нил обозвал ее ненасытной гарпией. К моменту его ухода Элеонору трясло от ярости и глубокой, сильнейшей неприязни к лорду Нилу.

Похоже, за год эти чувства не ослабели. Одно воспоминание об их встрече приводило Элеонору в состояние нервного раздражения. Сделав успокаивающий вдох, Элеонора начала читать. Записка была короткой и безапелляционной – краткое требование принять его, дабы обсудить деловые вопросы.

Уголки губ Элеоноры растянулись в полуулыбке. Понятно, что за «деловые вопросы» он собрался обсуждать. Эдмунд любил мать, но прекрасно понимал, насколько она расточительна, поэтому хотел быть уверенным, что сестра его получит достаточное состояние, чтобы стать независимой. Элеоноре в этом смысле Эдмунд доверял намного больше, чем матери, поэтому поручил деньги Саманты ей.

Несомненно, узнав об условиях завещания, леди Гонория подняла шум, а лорд Нил решил встретиться с Элеонорой. Она взяла лист хорошей веленовой бумаги и быстро набросала записку такой же длины, как послание лорда Нила, сообщая, что на данный момент никого не принимает. Эта выходка несколько приободрила Элеонору. Она подписалась, запечатала письмо и вручила его одному из лакеев, чтобы доставил лорду Нилу. Элеонора откинулась на спинку кресла, представила себе лицо адресата, когда тот прочтет ответ, и на губах ее заиграла улыбка.

Еще больше ее настроение улучшилось, когда через час пришло письмо от Джулианы, выражавшей радость по поводу возвращения Элеоноры и приглашавшей ее на ужин сегодня вечером. Джулиана заверила, что трапеза будет тихая и семейная, никаких легкомысленных забав, неуместных для вдовы в трауре.

Элеонора тут же написала положительный ответ. Даже будь она до сих пор в полном трауре, все равно бы посетила Джулиану. Но после полугода в черных одеждах Элеонора перешла на облегченный траур. Некоторые настаивают, что полный траур следует соблюдать на протяжении года, однако ни Элеонора, ни Эдмунд не придавали значения условностям. Любовь и уважение, а также горе после потери близкого человека нельзя определить по одежде и измерить временем, на протяжении которого эта одежда носится.

Вечером, вскоре после чая, в комнату вошел дворецкий Элеоноры и сообщил:

– К вам джентльмен, мисс.

Элеонора удивленно вскинула брови:

– Кто бы это мог быть?

– Дядя мастера Эдмунда, мисс.

Презрительное выражение лица Бартвелла лучше всяких слов выражало его мнение о госте, к тому же он прибавил:

– Я его оставил в холле. Сказал, мне еще надо узнать, будете ли вы с ним разговаривать.

Элеонора сдержала улыбку. Она могла себе представить, как заносчивый лорд Нил воспринял подобное оскорбление. Вряд ли кто-то другой заставлял его дожидаться в холле и вдобавок давал понять, что его, возможно, и вовсе не примут.

Конечно, невежливость для лорда Нила не в новинку. Он и сам отлично продемонстрировал это качество, явившись к ней, несмотря на то, что отправленное письмо, где ясно говорилось – хозяйка никого не принимает. Очевидно, к отказам лорд Нил не привык.

– Пожалуйста, напомните лорду Нилу, что я не принимаю, о чем я ему уже писала, – сухо велела Элеонора.

Уголки рта Бартвелла дрогнули, будто он сдерживал смех.

– Рискну предположить, лорд Нил будет недоволен.

– Согласна, – усмехнулась Элеонора. – Но если он поведет себя некорректно, разрешаю выставить его из дома силой.

Бартвелл сразу просиял, явно надеясь, что гость примется возмущаться. Иногда Бартвеллу казалась скучноватой его нынешняя жизнь.

Когда дворецкий удалился, Элеонора прислушалась к звукам спора, однако в холле было тихо, и она решила, что его светлость решил покинуть дом мирно. Элеонора пожалела, что не видела его лица. Был соблазн выйти к лорду Нилу, чтобы заявить ему прямо о своем нежелании с ним разговаривать. Однако подобный поступок противоречил бы смыслу высказывания.

После этого инцидента Элеонора не могла ни на чем сосредоточиться. Все вспоминала лорда Нила и поразительную дерзость, с которой тот явился в ее дом, и думала, не попытается ли он снова нанести ей визит и будет ли присутствовать при ее встрече с леди Гонорией. Наконец Элеонора забросила дела и поднялась вверх, чтобы одеться к ужину с Джулианой и ее мужем.

Немного подумав, Элеонора выбрала полутраурное белое платье со скромным черным шлейфом. Горничная причесала ее просто, перехватив темные кудри черной бархатной лентой, а единственным украшением служила брошь из черного камня, которую Эдмунд подарил ей еще давно. Брошь была выполнена в итальянском стиле *pietra dura*, флорентийской мозаики. Прямо в камне были выложены белые и розовые цветы. Хотя эту брошь трудно было назвать траурной, поскольку в ней были цветные элементы, Элеонора носила ее именно в этом качестве, ведь брошь была подарком Эдмунда. После его смерти Элеонора вспоминала, как Эдмунд вложил брошь в ее руку и торжественно попросил носить ее ради него. Тогда серьезность Эдмунда удивила Элеонору, но сам жест показался ей милым и трогательным. Впоследствии Элеонора гадала, возможно ли, что Эдмунд предчувствовал свою гибель... или еще страшнее – знал о ней, поскольку сознательно решил покончить с собой.

Но Элеонора запретила себе думать об этом. Пусть ничто не омрачает счастливый вечер встречи с подругой после годовой разлуки.

Элеонора быстро приколола брошь на платье и взглянула на свое отражение. Она была женщина статная, совсем не похожая на пухленький, румяный, белокурый идеал английской красоты. Да, у Элеоноры красивые глаза и белая кожа, однако черты лица крупноваты, рот слишком широкий, подбородок слишком выдающийся. Но сегодня Элеоноре казалось, что выглядит она очень неплохо. Платья скромных фасонов и простые прически всегда ей шли, а перспектива приятного вечера заставила ее щеки разрумяниться, а глаза засветиться. В последнее время подобное с ней бывало редко.

Элеонора взяла с туалетного столика веер, и горничная набросила ей на плечи легкий вечерний плащ. Элеонора спустилась к карете, ожидавшей на улице. Кучер приподнял шляпу в приветствии, а Бартвелл помог ей сесть – эту обязанность он больше никому не доверял.

Карета отъехала от дома, и Элеонора откинулась на мягкое кожаное сиденье. Они остановились на углу, потом свернули на перекресток, и вдруг, не успел экипаж сдвинуться с места, как дверца распахнулась и внутрь запрыгнул мужчина.

Глава 3

У Элеоноры перехватило дыхание, сердце бешено застучало, каждый нерв затрепетал. Она тут же вспомнила о пистолете, который прятала за сиденьем, но потом узнала мужчину, ворвавшегося в ее карету столь бесцеремонным образом. Это был лорд Нил.

Элеонора видела его всего один раз, но такого человека забыть трудно. Элеонора вздохнула с облегчением. Лорда Нила она не выносила, зато могла не опасаться, что он ограбит ее или причинит вред. Недавний страх обернулся таким же сильным гневом. До чего же несносный мужчина, подумала Элеонора. Решил напугать ее и таким образом добиться преимущества.

Ну что ж, сейчас лорд Нил увидит, что Элеонору Таунсенд Скарбро голыми руками не возьмешь. Подавив гнев, она придала лицу спокойное, безмятежное выражение и выжидательно взирала на него, пока колотящееся в груди сердце не успокоилось.

– Лорд Нил, – холодно произнесла она, – могу я узнать, чем обязана столь неожиданному визиту?

Губы его дрогнули – ее реакция то ли позабавила его, то ли раздосадовала. Элеонора посмотрела на его рот и отметила, что нижняя губа у лорда Нила полная и чувственная, а верхняя очень четко очерчена. Красивый рот. Но, шокированная направлением собственных мыслей, Элеонора подняла взгляд и заглянула в его холодные серые глаза. В нем есть своего рода неслащавая красота – эти сурово выдающиеся скулы, упрямая челюсть. Весь прошедший год Элеонора повторяла себе, что лорд Нил совсем не так красив, как она воображает. Но теперь убедилась – наоборот, он еще привлекательнее, чем она помнила.

– Похоже, застать вас врасплох невозможно? – спросил лорд Нил.

– Значит, вот чего вы хотели добиться? – ответила Элеонора. – Поселить во впечатлительном девичьем сердечке страх? В этом цель вашего, мягко говоря, неожиданного вторжения?

– Нет, – с раздражением в голосе возразил лорд Нил. – Я запрыгнул в вашу карету, потому что вы отказались меня принять, когда я написал, что мне необходимо нанести вам визит.

– Однако это не помешало вам явиться в мой дом, – дерзко заметила Элеонора.

– Да, – признал лорд Нил без малейших признаков смущения. – Однако вы и тогда меня не впустили. – Лорд Нил пожал плечами. – Пришлось искать другой способ.

– По-вашему, я не имею права выбирать, с кем и когда мне видеться? – спросила Элеонора.

Черные ресницы сомкнулись, когда лицо лорда Нила исказила сердитая гримаса.

– Разумеется, имеете. Так же как и я имею право искать встречи с вами.

– Врываясь в мою карету?

– Ну, это громко сказано, – проговорил лорд Нил, и веселая искорка смягчила выражение его лица.

– А как бы вы назвали свой поступок?

Лорд Нил слегка улыбнулся:

– Я просто пытаюсь привлечь ваше внимание.

Элеонора не улыбнулась в ответ. Мало того что лорд Нил навязал ей собственное общество, теперь он пытается своим обаянием заставить ее сменить гнев на милость. Элеонора решительно скрестила руки на груди и напустила на себя самый непроницаемый вид:

– Хорошо. Вам удалось привлечь мое внимание. Можете изложить свое дело. Предполагаю, вы снова выступаете от имени сестры.

Элеонора не рассказала мужу о первом визите лорда Нила. Эдмунда только расстроило бы поведение дяди. В конце концов, она выходила за него как раз для того, чтобы оградить от подобных житейских огорчений. К тому же Эдмунд был привязан к дяде. Как-то даже назвал его «славым малым». Эдмунд уверял, что дядя никогда не поднимает шума из-за пустяков и не сует нос в чужие дела, а если попал в беду, можно смело обращаться к Энтони. Дядя всегда знает, как поступить, и матери докладывать не станет. Поэтому, не желая огорчать мужа, Элеонора умолчала о собственном впечатлении от лорда Нила. Элеонора подозревала, что он является либо послушной марионеткой, либо союзником леди Гонории, а может, и вовсе злоупотребляет щедростью Эдмунда вместе с ней.

С лица лорда Нила исчезли всякие следы веселости.

– Леди Скарбро очень горюет по сыну.

Элеонора молча ждала продолжения. Горе – нормальная реакция любой матери на смерть сына, однако в данном случае Элеонора цинично подозревала, что больше всего леди Гонория переживает из-за утраты денег.

Лорд Нил помолчал, будто выбирая слова, и наконец прибавил:

– Эдмунд с детства был болезненным, однако случившееся было для нас как гром среди ясного неба.

– Для меня тоже, – кивнула Элеонора, недоумевая – неужели нужно было запрыгивать к ней в карету, чтобы говорить очевидные вещи?

– Насколько помню, Эдмунд ни разу под парусом не ходил, – продолжил лорд Нил, пристально глядя в глаза Элеоноре.

– Увлёкся в Италии, – пояснила она. – Я и сама удивилась. Наверное, дело в теплом климате... Там он себя чувствовал гораздо лучше.

– Значит, ему стало лучше? – уточнил лорд Нил.

– Да, намного. – Элеонора не стала добавлять, что рассчитывала как раз на такой эффект, и рассказывать, почему настояла на отъезде в Италию, несмотря на возражения леди Гонории. – Там он кашлял реже, цвет лица улучшился. Сэр Эдмунд стал активнее. У него появились друзья, он часто проводил время с ними. Кстати, это они увлекли его парусным спортом.

– А вы с ним не ходили?

Элеонора покачала головой, недоумевая, зачем лорд Нил задает все эти вопросы.

– Обычно он был со своим другом Дарио Параделлой, – пожала плечами Элеонора. – И с другими тоже.

– А когда Эдмунд погиб, этот Параделла тоже был с ним?

– Нет. Эдмунд был один. – Элеонора нахмурилась. – А для чего вы спрашиваете? Что вы хотите узнать?

– Имя человека, который может подтвердить вашу историю, – без обиняков ответил лорд Нил.

Элеонора уставилась на него:

– Подтвердить мою... – Она запнулась, наконец поняв, в чем дело. – Мою историю? – прошипела она. – Вы смеете предполагать, будто я... все выдумала?

– Значит, не выдумали?

Лорд Нил невозмутимо наблюдал за ее реакцией.

– Разумеется, нет! Зачем мне выдумывать такое...

И тут Элеонору обожгло огненной яростью. Глаза ее вспыхнули.

– Вы обвиняете меня в убийстве Эдмунда?

Лорд Нил не стал возражать и продолжал бесстрастно ее разглядывать.

– Да как вы можете?! – От гнева Элеонора едва могла говорить. – Вы не человек! Вы чудовище! Вы...

Она не могла придумать достаточно сильного оскорбления.

– Вижу, вы не пытаетесь отрицать обвинение, – хладнокровно заметил лорд Нил.

– Я не обязана перед вами объясняться! – выпалила Элеонора. – Не обязана ничего доказывать! Я не виновата, что вам в голову приходят такие низкие мысли. Эдмунд умер именно так, как я описала в письме его матери. У итальянских властей никаких подозрений относительно его гибели не возникло.

– Возможно, их заставила утратить бдительность ваша красота, – пробормотал лорд Нил. – Или деньги...

Взбешенная, Элеонора со всей силы замахнулась, но не для того, чтобы дать ему пощечину, как подобает леди, а сжав руку в кулак для полноценного удара. Однако лорд Нил оказался быстрее и успел ухватить ее за запястье. Его пальцы железной хваткой стиснули руку, и вырваться Элеонора не могла. Она злобно смотрела на лорда Нила, тот отвечал ей твердым, пристальным взглядом. Казалось, сам воздух между ними подрагивает от напряжения.

Оба так и застыли в этом положении. Лорд Нил внимательно смотрел ей в глаза, на секунду опустил взгляд на губы, и в какой-то момент в голове у Элеоноры промелькнула нелепая мысль, что он вот-вот ее поцелует.

Тут лорд Нил резко отпустил ее и откинулся на спинку сиденья. Рука Элеоноры бессильно упала на колени.

– Убирайтесь из моей кареты! Немедленно!

– Успокойтесь и выслушайте меня.

– Успокоиться?! Вы врываетесь в мою карету, обвиняете меня в убийстве мужа, а теперь говорите, чтобы я успокоилась?! – воскликнула Элеонора.

– На самом деле я ни в чем вас не обвинял.

– Вы обвинили меня во лжи – якобы я скрыла истинную причину смерти мужа! – возразила Элеонора. – И намекнули, будто я... я...

– Будто вы избавились от надоевшего супруга? – закончил за Элеонору Энтони, продолжая наблюдать за ней.

Она была бледна, не считая ярких пятен гневного румянца на щеках. Огромные глаза в полумраке кареты сияли, будто два темно-синих огонька. До чего же хороша, подумал Энтони. Только с последней их встречи похудела – сильно похудела. Скулы теперь выдаются еще отчетливее, а рука и вовсе тонкая как прутик.

Энтони подавил невольно зародившееся сочувствие. Если сестра права, эта очаровательная леди безжалостно прикончила его племянника.

Энтони неумолимо продолжил:

– Вы вышли замуж за больного мужчину, умирающего от чахотки. А потом вы переехали в Неаполь, и ему вдруг стало лучше. И тут вы поняли, что просчитались. Возможно, теперь ваш супруг проживет еще лет пять, а может, и дольше. Придется терпеть его все это время. А может, вы приглядели другого жениха и муж стал для вас препятствием. Какова бы ни была причина, вы решили ускорить его смерть. Сначала убили его, а потом сочинили историю о несчастном случае в море, которую и поведали его безутешной матери. А на случай, если у кого-то возникнут подозрения, вы сожгли его тело, дабы не оставлять улики.

Энтони не сводил с нее глаз, высматривая доказательства вины.

Элеонора безвольно уронила и вторую руку на колени. В глазах ее не было ничего, кроме отвращения.

– У вас с леди Гонорией богатое воображение. И чего же вы теперь от меня ждете? Чтобы расплакалась и чистосердечно во всем призналась? – Элеонора презрительно поджала губы. – Тогда вы еще глупее, чем я думала.

Лорд Нил напрягся. Она до сих пор не попыталась опровергнуть его обвинения.

– Почему? Оттого, что рассчитываю на искренность?

– Вы рассчитываете совсем на другое. Вы настолько не хотите терять его деньги, что готовы сочинить любую небылицу, лишь бы избавиться от меня.

– Деньги Эдмунда меня не волнуют, – резко возразил лорд Нил. – Но если его убили, я лично прослежу за тем, чтобы виновные были наказаны. Можете не сомневаться.

Взгляд лорда Нила был тверд и суров. Элеонора точно так же смотрела на него в ответ. Ее неприязнь к этому человеку была так сильна, будто внутри бушевал

пожар, который едва удавалось сдерживать. Руки в перчатках сжались в кулаки. Элеонора попыталась сохранить обычное самообладание.

Она и сама не понимала, почему обвинения лорда Нила так ее взбесили. Элеонора и раньше знала, что они с матерью Эдмунда ее ненавидят. Ничего удивительного, что леди Скарбро и ее брат готовы на все и даже объявили ее убийцей. Но слова лорда Нила вонзились в грудь, будто нож.

– Как благородно, – язвительно прокомментировала Элеонора. – Особенно учитывая, что вам не придется исполнять свою клятву, ведь Эдмунда никто не убивал. Однако, без сомнения, ваши друзья из клуба будут впечатлены. Не говоря уже о том, что вы очерните мою репутацию, – еще одно приятное обстоятельство. Все начнут повторять ужасные слухи, несмотря на отсутствие других доказательств, кроме бредовых фантазий жадных до денег родственников.

От ее ядовитых слов ноздри у лорда Нила затрепетали, и он уже открыл было рот, чтобы заспорить. Однако в этот момент неожиданно для обоих карета остановилась. Элеонора выглянула в окошко и увидела, что они стоят напротив элегантного городского особняка из бледно-желтого камня. Кучер спрыгнул с козел и распахнул дверцу.

– Дом лорда Барра, миледи, – произнес он. Потом заметил сидящего в карете лорда Энтони и уставился на него круглыми глазами. – Миледи! Откуда... кто...

– Как видите, по пути ко мне присоединился лорд Нил, – с подчеркнутой иронией пояснила Элеонора. Она встала и покинула карету со словами: – Не могли бы вы отвезти его домой, пока я ужинаю с лордом и леди Барр?

– Не стоит беспокоиться, – ответил Энтони, легко спрыгнув на землю рядом с Элеонорой. – Я составлю компанию леди Скарбро. – Он предложил ей руку, и когда Элеонора потрясенно замерла, сам положил ее руку на свой локоть. – Пойдемте, миледи, нехорошо заставлять хозяев ждать.

– Что вы делаете? – прошипела Элеонора, тщетно пытаясь вырвать руку. – Вы не можете идти со мной.

– Отчего же? – с возмутительным хладнокровием спросил лорд Нил. – Видите ли, я не намерен вас отпускать, пока не получу удовлетворительного ответа на свой вопрос.

– Вопрос? Скажите лучше – обвинение! Я не собираюсь с вами разговаривать ни сейчас, ни в любое другое время. Вы и сами прекрасно знаете, что в ваших наветах ни слова правды, и я не намерена вам потакать, защищаясь и оправдываясь.

Поднимаясь по ступеням крыльца, лорд Нил только пожал плечами:

– В таком случае, боюсь, вам придется еще потерпеть мое общество.

Лакей в ливрее открыл перед ними дверь и поклонился:

– Леди Скарбро.

– И лорд Нил, – и глазом не моргнув, прибавил Энтони и отдал лакею шляпу.

Элеонора от подобной наглости лишилась дара речи и молча вручила лакею свой плащ. Положение складывалось необычное, и как поступить, она не знала. Если сказать лакею, что лорда Нила никто не звал, и распорядиться, чтобы его не впускали, бедный слуга окажется между двух огней. Это слуги Элеоноры готовы по ее приказу выставить за порог кого угодно, хоть аристократа, хоть простолюдина, а обычный лондонский слуга побоится идти против пэра. Кроме того, звучать это будет так глупо, что и выговорить стыдно.

Когда слуга провожал их внутрь, лорд Нил вновь предложил Элеоноре руку, однако та сцепила пальцы замком.

– Вы в своем уме? – прошептала Элеонора, пока они шагали за слугой. – Вас не приглашали. Нельзя вот так вламываться в чужой дом.

Лорд Нил поднял брови:

– Почему нет? Возможно, хозяева решат, что с вашей стороны было невежливо не предупредить о втором госте, но...

– Невежливо? В жизни не встречала человека невежливее вас. С радостью поведу лорда и леди Барр, как вы заскочили ко мне в карету.

– Неужели? – Взгляд лорда Нила был насмешливым. – Желаете объяснить им всю ситуацию?

Раздосадованная, Элеонора крепко сжала челюсти. Разумеется, лорд Нил прав. Нельзя втягивать Джулиану и ее мужа в этот скандал. Конечно, обвинения лорда Нила абсурдны, и Джулиана ни за что ему не поверит, однако нельзя ставить подругу в такое неприятное положение. И хотя Элеоноре приходилось встречаться с лордом Барром, знала она его плохо и не могла предвидеть, как он отреагирует. А вдруг, подобно истинному аристократу, лорд Барр встанет на сторону лорда Нила? Не хватало еще внести раздор в молодую семью.

– Сами прекрасно знаете, что нет, – тихо, но выразительно произнесла Элеонора. – Вы бесчувственный...

Элеонора умолкла, когда лакей остановился в открытых дверях и объявил их имена. Потом шагнул в сторону, давая дорогу Элеоноре и ее спутнику. Джулиана устроилась на голубом бархатном диване у противоположной стены, рядом с ней сидел высокий темноволосый мужчина. Заслышав слова лакея, Джулиана вскочила с дивана и поспешила к ним. Ее муж Николас не спеша последовал за супругой.

– Элеонора! – Джулиана обняла более высокую подругу. – Как же я рада тебя видеть! Наконец-то!

– Джулиана! – Вызванное общением с лордом Нилом раздражение испарилось от радости при встрече с любимой подругой, и Элеонора обняла ее в ответ. – Я так соскучилась!

Наконец Элеонора отпустила Джулиану и отошла на шаг, чтобы лучше рассмотреть ее.

– Выглядишь чудесно!

И это была правда. Джулиана всегда была хорошенькой, а теперь прямо-таки светилась от счастья, и именно оно, а не дорогое платье или модная прическа, делало ее по-настоящему красивой. Большие серые глаза лучились мягким светом, на белой коже проступил нежно-розовый румянец. Элеонора заметила, что лицо подруги округлилось и стало мягче, а окинув взглядом ранее худенькую фигуру Джулианы, сразу увидела характерные округлости.

– Джулиана! – ахнула Элеонора и вопросительно посмотрела на подругу.

Та со счастливым смехом кивнула:

– Да.

– Почему же ты мне не написала? – просяив, воскликнула Элеонора и вновь заключила подругу в объятия.

– Я хотела, но потом ты написала мне, что скоро вернешься, вот я и решила сделать сюрприз.

– И тебе это удалось.

С лица Джулианы не сходила улыбка, однако она бросила на лорда Нила чуть вопросительный взгляд и замерла, ожидая, пока Элеонора представит спутника.

– Ах, прошу прощения. Это лорд Нил, – вежливо, но сдержанно произнесла Элеонора и повернулась к нему. – Дядя сэра Эдмунда. Он был так любезен, что предложил меня сопровождать. Надеюсь, ты не возражаешь.

– Конечно же нет, – быстро ответила Джулиана и улыбнулась Энтони: – Добро пожаловать, милорд. Для Элеоноры в ее горе очень важна помощь и поддержка.

– Нил, – произнес муж Джулианы и кивнул Энтони.

– Лорд Барр. Рад встрече.

– Выходит, вы знакомы? – просяила Джулиана.

– Несколько раз встречались в клубе «Уайт», – ответил Николас Барр. – К сожалению, оба мы не являемся постоянными членами клуба.

– Верно. Лично я предпочитаю комфорт собственного дома, – с улыбкой подтвердил Энтони.

Теперь лорд Нил кажется дружелюбным и приятным человеком, мрачно подумала Элеонора. Это притворство ее ужасно злило. Однако ничего поделать было нельзя, и она только вежливо ответила на приветствие лорда Барра.

Хозяева и гости сели и, пока не накрыли на стол, болтали о разных пустяках. Лорд Нил, хотя манеры его были безупречны, говорил мало, в основном отвечал на чужие реплики. На протяжении всей беседы Элеонора чувствовала на себе его пронзительный взгляд. Она знала, что он следит за ней, выискивает прорехи в ее броне, ждет слова или действия, которые можно будет использовать против нее. Элеонора с досадой заметила, что следит за тем, что говорит, подбирает слова, чтобы фразу нельзя было истолковать ошибочно, а также старается не улыбаться и не смеяться, ведь это, несомненно, послужило бы доказательством, что Эдмунда она не любила.

Лопни его глаза, подумала Элеонора, применив любимое выражение отца. Ее никогда не волновало, что о ней подумают, и сейчас тревожиться из-за этого ни к чему. Элеонора не допустит, чтобы какой-то высокомерный британский лорд выводил ее из себя. Элеонора повернулась к нему, вскинула подбородок и окинула лорда Нила долгим холодным взглядом. И хотя на лице его не дрогнул ни один мускул, Элеонора уловила едва заметную перемену и поняла, что лорд Нил заметил ее вызов и принял его к сведению.

После этого Элеонора старалась сохранять вежливое равнодушие, не обращать внимание на навязчивого лорда и наслаждаться обществом лучшей подруги. Несмотря ни на что, вечер прошел легко и непринужденно. Элеонора и Джулиана никогда не испытывали недостатка в темах для разговора, а за время разлуки накопилась тьма новостей. Джулиана и Николас рассказали обо всех скандалах и сплетнях в высшем свете, политических новостях, а также новых постановках в театре и опере. Лорд Нил по большей части молчал, однако время от времени вставлял свои замечания, поддерживая легкий и веселый тон беседы. Оказалось, он осведомлен во многих областях, а его мнения, зачастую окрашенные сарказмом, были разумны и конкретны. Элеонора вынуждена была признать, что в других обстоятельствах сочла бы общество лорда Нила

приятным и интересным. Несколько раз Элеоноре даже пришлось напоминать себе, для чего он здесь.

Разумеется, мрачно думала она, лорд Нил не даст ей об этом забыть. Она понимала, что цель его внимательных взглядов – напомнить о своих намерениях, а всякий раз, когда лорд Нил к ней обращался, в его голосе звучала легкая ирония. В конце вечера придется снова остаться с ним наедине, и тогда лорд Нил будет настаивать на ответе. Без сомнения, он надеется запугать Элеонору своими угрозами. Но скоро поймет, что не на такую напал.

После ужина мужчины по традиции удалились в библиотеку лорда Барра, оставив Элеонору и Джулиану поболтать наедине – к величайшему удовольствию обеих.

– Я так за тебя рада, – сказала Элеонора, глядя на округлившийся животик Джулианы. – Когда у тебя срок?

Джулиана широко улыбнулась:

– Через три месяца. Я хотела переехать в корнуоллское поместье – Николас там жил, пока его родители не умерли. Но он настоял, что нужно остаться в Лондоне, потому что здесь обо мне позаботятся лучшие врачи. – Улыбка Джулианы стала нежной. – Зря он так обо мне беспокоится. Я прекрасно себя чувствую.

– Он правильно делает, – возразила Элеонора. – Твой муж молодец, так хорошо о тебе заботится...

С Николасом Барром Элеонора познакомилась год назад, перед самым отъездом в Неаполь. Он предложил Джулиане стать его женой, и хотя та уверяла, что лорд Барр сделал это по доброте и отчасти в память о детской дружбе, Элеонора подозревала, что на самом деле причина – любовь. Возможно, лорд Барр скрывал свои чувства от Джулианы и даже от самого себя, но Элеонора сразу все поняла, когда увидела, как он смотрит на невесту. А сегодня она лишний раз убедилась, что права.

Ясно было, что Джулиана и Николас обожают друг друга. Как раз о таком браке мечтают юные девушки, о такой любви слагают стихи поэты. Наблюдая за ними

за ужином, видя их нежные взгляды, ласковые жесты и прикосновения, Элеонора вдруг отчего-то загрустила. Она такой любви не знала и, глядя правде в глаза, понимала, что, скорее всего, и не узнает. К сэру Эдмунду она относилась как к другу, восхищалась его талантом, заботилась о нем, однако в ее чувствах не было той любви, той глубины, что в отношениях Джулианы и Николаса.

Вообще-то Элеонора к подобным чувствам и не стремилась. Она была слишком практична и уравновешенна для таких бурных эмоций, к тому же собственная жизнь Элеоноре нравилась. Но в такие моменты она невольно вздыхала украдкой и пыталась представить, каково это – любить так, как Джулиана и Николас.

Джулиана радостно рассмеялась.

– Да, – признала она. – Это верно. Я его тоже очень люблю. Ах, Элеонора, иногда так и хочется себя ущипнуть – моя жизнь на волшебный сон похожа! Поверить трудно, что всего полгода назад я работала на эту невыносимую миссис Тралл, а о таком счастье и мечтать не смела.

– Меньшего ты и не заслуживаешь, – заверила подругу Элеонора.

– Тебе не кажется, что хватит обо мне? – Джулиана наклонилась к Элеоноре и заговорщицки прошептала: – Рассказывай, что там у вас с лордом Нилом.

Элеонора посмотрела на подругу. Она привыкла рассказывать Джулиане все и сейчас с радостью выложила бы всю историю. Но теперь, когда оказалось, что Джулиана беременна, тем более нельзя нагружать ее собственными проблемами.

– Нечего рассказывать, – пожала плечами Элеонора. – На самом деле я его не просила меня сопровождать. Можно сказать, он сам напросился. А я просто не хотела устраивать сцену. Прости, что навязала незваного гостя.

– Все в порядке, извиняться не за что. Если честно, я рада, что тебя было кому проводить. В Лондоне нынче небезопасно. Может, он просто беспокоился за тебя? – предположила Джулиана. – Он был так внимателен.

– О да, лорд Нил очень внимательный – как орел, который не сводит глаз с зайца.

Джулиана вскинула брови:

– О чем ты? Что-то не так?

Элеонора подавила желание разоткровенничаться и ответила:

– Нет. Просто не люблю иметь с ним дело. Он так нелюбезен. С самого начала считал, что я не пара Эдмунду.

– И очень глупо. Наверное, теперь он понял, что ошибался. Вот и предложил сопровождать тебя, чтобы загладить вину.

– Все может быть, – уклончиво ответила Элеонора, уставившись на собственные руки. Проницательного взгляда Джулианы она не заметила.

– Красивый мужчина, – через некоторое время прибавила та.

– Думаешь? – Элеонора состроила гримасу. – Я что-то не заметила.

Джулиана рассмеялась:

– Даже не надейся, что я тебе поверю.

– Да, он... по-своему красив, – признала Элеонора. – Жаль только, внешность не соответствует содержанию.

– Вот как? – Джулиана разочарованно вздохнула. – А я уже решила...

– Только, ради бога, Джулиана, не превращайся в сваху. Вот почему, стоит только женщине вступить в брак, она сразу хочет повыдавать замуж всех вокруг? – Улыбка Элеоноры сгладила резкость ее слов.

Джулиана рассмеялась:

– Да, есть грех. Просто я так счастлива, вот и хочется других тоже сделать счастливыми.

– Ну, лорд Нил меня точно счастливой не сделает, да и я его тоже. Мне не нужен муж. Поверь, мне и так хорошо.

– Да. Не сомневаюсь, ты прекрасно знаешь, что делать со своей жизнью, – ответила Джулиана. – Просто я желаю тебе любви.

– Любовь у меня есть. Я люблю Клэр, и Натана, и тебя.

– Я говорила о другой любви, – надулась Джулиана. – И ты отлично поняла о какой.

– По-моему, я не создана для такой любви. Я не из тех, кто может быть счастлив в браке. Ведь я привыкла распоряжаться, а не подчиняться.

– По-твоему, Николас мной распоряжается? – возмутилась Джулиана.

– Разве нет?

Джулиана начала было отвечать, но тут рассмеялась:

– Да, бывает... Но только оттого, что волнуется за меня. Хочет меня защитить, даже когда все хорошо. Только это вовсе не значит, что я живу по его правилам или что он меня заставляет что-то делать. Я даже иногда командую им. У мужа с женой всегда так. – Джулиана бросила взгляд на Элеонору. – Неужели сама не знаешь? Ты же была замужем.

– Наш с Эдмундом брак был... другого рода. Ему нужна была моя помощь. В отличие от лорда Нила.

– Откуда ты знаешь, что ему помощь не нужна?

Элеонора взглянула на подругу, иронически изогнув бровь:

– Чем это тебя так очаровал лорд Нил?

Джулиана пожала плечами:

– Не очаровал. Просто мне показалось... Даже не знаю, как объяснить. Между вами как будто что-то происходило.

– Происходило – взаимная неприязнь, – согласилась Элеонора.

– Называй как хочешь. Но от неприязни такой румянец не появляется.

Элеонора была удивлена и даже не нашла что сказать. От необходимости отвечать ее избавило возвращение мужа Джулианы и лорда Нила. Те вошли в гостиную и сели рядом.

Николас предложил Джулиане сыграть для гостей. Та села за рояль и, настояв, чтобы Элеонора к ней присоединилась, стала петь. Элеонора переворачивала Джулиане ноты и подпевала своим обычным альтом мелодичному сопрано подруги. Она была рада, что не нужно поддерживать разговор. После слов Джулианы она не смогла бы сосредоточиться.

Конечно же подруга ошибается, сказала Элеонора себе. Если у нее на щеках и появился румянец, то исключительно от злости, а не от чувств к лорду Нилу. Да, возможно, он и показался ей привлекательным, когда она увидела его впервые, но это впечатление развеялось после первого же разговора, когда она поняла, насколько лорд Нил грубый и неприятный человек. А когда он сегодня вечером запрыгнул к ней в карету, сердце забилось быстрее только от неожиданности. Его изящно очерченный рот и ясные серые глаза тут ни при чем.

Исполняя песню, Элеонора искоса взглянула на лорда Нила. Он откинулся на спинку кресла, вытянув ноги и сложив руки на груди, и наблюдал за ней. Элеонора запнулась и, вспыхнув, поспешно отвела взгляд. С ним никакого терпения не хватит!

Больше Элеонора старалась на него не смотреть.

Вскоре пора было уходить, и Элеонора поблагодарила Джулиану и Николаса за чудесный ужин и приятный вечер. Несмотря на присутствие лорда Нила, она получила истинное удовольствие. А Нил, конечно, тут же предложил ее сопровождать.

– Спасибо, в этом нет нужды, милорд, – проговорила Элеонора, даже и не надеясь избавиться от него таким образом. – Уверяю вас, я прекрасно доберусь одна.

– Не сомневаюсь. Однако не откажите в удовольствии. – В серых глазах лорда Нила читался вызов.

– Извольте.

Перчатки Элеонора натягивала так резко, что чуть их не порвала. Она оперлась на руку лорда Нила, еще раз попрощалась с хозяевами, и они пошли к карете. Элеонора позволила лорду Нилу подсадить ее и с досадой наблюдала, как он устраивается напротив.

– Итак? – произнес Энтони, когда карета покатила по мощенным улицам. – Готовы ответить на мои вопросы?

Элеонора плотно сжала челюсти. Из гордости ей хотелось отказаться. Его вопросы сами по себе оскорбительны, а ответить на них значит признать, что лорд Нил имеет право допрашивать ее подобным образом. Доставлять ему радость, оправдываясь, Элеонора не собиралась.

Однако над этой проблемой она размышляла весь вечер и пришла к выводу, что не следует позволять гордости заглушать голос разума. Если не задушить скандал в зародыше, лорд Нил с сестрицей распусят слухи по всему городу. Мнение высшего света Элеонору не волновало, но эти сплетни непременно дойдут и до людей, с которыми они с Эдмундом общались. Их отношение было важно для Элеоноры, а пересуды, стоит им начаться, остановить непросто. Кроме того, Джулиана окажется как раз в той ситуации, от которой Элеонора старалась ее уберечь. Джулиана конечно же будет защищать подругу – в ее преданности Элеонора не сомневалась. Однако это сделает ее изгоем в аристократическом обществе, куда ее ввел брак с лордом Барром.

А больше всего Элеоноре не хотелось, чтобы имя Эдмунда ассоциировалось у людей с грязным скандалом. Его смерть – трагедия для мира музыки, и нельзя, чтобы его заслуги заслонили потоки сплетен и предположений.

– Я не преступница, и вы не имеете права подвергать меня допросу, – холодно произнесла Элеонора. – Однако я не позволю вам вывалить в грязи имя Эдмунда – или мое. Поэтому, когда приедем, я докажу вам, как вы заблуждаетесь.

– Хорошо.

До дома Элеоноры они ехали в полном молчании.

Когда карета остановилась перед элегантным белым особняком, Элеонора, к своему удивлению, увидела, что во всех окнах горит свет. Ее охватила тревога, и Элеонора соскочила на тротуар, не обращая внимания на протянутую руку лорда Нила. Она кинулась к крыльцу и вбежала в дом, он же следовал за ней.

Вместо тишины дома, где все спят, как и подобает в столь поздний час, их встретил шум и гул голосов. Дети в ночных рубашках сидели на лестнице и с любопытством наблюдали за суетой полуодетых слуг, говоривших одновременно. В центре событий находилась красивая темнокожая женщина в голубом сари – с горящими испугом влажными черными глазами она что-то тихо рассказывала двум мужчинам. Один из них, тот самый головорез-дворецкий, которого Энтони помнил с предыдущей встречи, протянул девушке небольшой стакан с янтарной жидкостью. Другой, высокий африканец в костюме, стоял, опустившись перед ней на одно колено, и встревоженно заглядывал ей в лицо.

Голос Элеоноры перекрыл царивший в холле хаос:

– Что случилось?

Все обернулись и громко затараторили хором, пока наконец лорд Нил не произнес с присущей ему властью:

– Тишина!

В наступившем звенящем молчании Элеонора велела:

– Бартвелл, говорите.

Тот ответил:

– В дом залез вор, мисс Элли.

Африканец встал на ноги и обернулся, однако от индианки не отошел. Он прибавил:

– Этот человек напал на Керани.

Глава 4

– Что?! – в ужасе ахнула Элеонора и кинулась к девушке. Слуги тут же расступились. Она и не заметила, что лорд Нил последовал за ней. – Керани, что он с тобой сделал?

– Нет-нет, Закари преувеличивает, – тихо ответила девушка, встав и наклонив голову, приветствуя Элеонору. – Этот человек просто оттолкнул меня, когда убегал. Я упала и немножко ударилась.

Чернокожий фыркнул и возразил:

– Вы и самого дьявола оправдаете, мэм. Толкнуть – тоже нападение.

– Конечно, Закари, но своими сердитыми речами ты бедняжке ничем не помогаешь, – возразила Элеонора.

– Керани... – Она взяла руку девушки в свою и заглянула ей в глаза. – Расскажи, как все было.

– Я... – Керани судорожно вздохнула и расправила плечи, будто черпая силы от Элеоноры. – Я только что уложила детей спать, – продолжала она со своим певучим акцентом, – спустилась в библиотеку. Хотела немного почитать перед

сном, и... я проходила мимо вашей комнаты, миледи. И тут увидела внутри мужчину. Он... он стоял у туалетного столика. Он был ко мне спиной. Но тут я ахнула от испуга, он повернулся и заметил меня.

Девушка начала дрожать, и Элеонора успокаивающе обняла ее за плечи:

– Все хорошо, Керани. Он ушел. Ты в безопасности.

– Да. Простите. Просто... он был такой... страшный. Его лицо... оно было прямо нечеловеческое.

– В каком смысле?

– Все белое, с двумя дырками, а за ними – глаза.

– Он был в маске? – предположил Энтони, и Керани бросила на него удивленный взгляд.

– Да, – с запинкой произнесла она. – Наверное. Но маска обычно одни глаза закрывает, а таких я раньше не видела.

– Значит, на нем была белая маска, скрывавшая все лицо? – уточнил Энтони. Голос его звучал так мягко и ободряюще, что Элеонора даже удивилась.

Индианка кивнула:

– Да. Теперь я понимаю, что это глупо, но тогда я так перепугалась. Мне показалось, у него вовсе лица нет.

– Могу себе представить, – кивнула Элеонора. – Любой бы на твоём месте испугался.

– Когда он обернулся, я закричала. И тогда он кинулся ко мне. Я хотела отскочить, но не успела, и он меня отпихнул. Я упала. А потом уже все сбежались. Только его было не догнать – слетел по лестнице как ветер.

– Еще кто-нибудь видел этого человека? – спросил Энтони.

Закари, с легким недоумением глянув на Энтони, ответил:

– Нет. А жаль. Я был в кабинете, услышал, как она кричит, и взбежал по черной лестнице, потому что так быстрее. А он по главной спускался.

– Я видел, – признался один из лакеев, смущенно подняв руку. – Я услышал крик и кинулся к лестнице. Но этот тип неся как одержимый и врезался в меня. Я через полкомнаты отлетел, а когда встал, его уже не было. Хотел за ним погнаться, но... – Лакей пожал плечами. – Когда я выбежал, он уже исчез.

– А больше поблизости никого не было, мисс Элеонора, – прибавил Бартвелл. – Одни на кухне ужинали, другие спать легли.

– Что ж, по крайней мере никто не пострадал, – произнесла Элеонора. – Этот человек что-нибудь взял?

– Не знаю, мисс. Он у вас в комнате все вверх дном перевернул – может, что-то и пропало.

– Так давайте пойдем и проверим, – предложил Энтони.

Элеонора хотела было напомнить лорду Нилу, что его это дело не касается. Но отчего-то его присутствие ее успокаивало, поэтому Элеонора позволила Энтони взять себя под руку и вместе с ним направилась к лестнице. Остальные – следом.

На ступеньках их поджидали двое детей, которые тут же вскочили:

– Элеонора! К нам вор забрался? Что он украл? Кто это был? Тот же, что и в прошлый раз?

– В какой прошлый раз? – Энтони обернулся к ней. – У вас это что, обычное явление?

– Нет. И тот раз здесь ни при чем. Это еще в Неаполе было. Кто-то проник в дом, но ничего не взял. Вот и все.

– Ах вот оно что. Тогда вы, конечно, правы. Связи никакой.

Элеонора повернулся к детям:

– Ну-ка, быстро в постель. Вам уже давно пора спать.

– Все равно не уснем, – разумно заметила Клэр.

– Какой тут сон, когда такое творится! – согласился Натан. – Хотим узнать, украл он что-нибудь или нет.

– Хорошо. Но потом Керани сразу уложит вас спать.

– Да, мэм.

Элеонора поднялась по лестнице и замерла в дверях спальни:

– О боже.

В комнате царил полный беспорядок. Ящики туалетного столика и комода выдвинуты, их содержимое перевернуто вверх дном, платяной шкаф нараспашку, а одежда раскидана по полу, будто кто-то второпях рылся в ее вещах. Кресло опрокинуто, подушки на полу, матрас наполовину сдернут с кровати. Открытая музыкальная шкатулка стояла на боку, в шкатулке для драгоценностей тоже кто-то рылся. Серьги, броши, цепочки были рассыпаны по поверхности столика.

Элеонора приблизилась к туалетному столику, Энтони, обводя взглядом комнату, последовал за ней. Элеонора закрыла музыкальную шкатулку и поставила ее как полагается, потом перебрала драгоценности и сложила их обратно.

– Что-нибудь пропало?

– Так сразу не соображу. Но, по-моему, все на месте. Хотя погодите – броши нет! Серебряной. И эмалевого медальона. – Элеонора нахмурилась. – Странно. Это мои самые дешевые украшения. Вот, гранатовый гарнитур на месте, а ведь он намного дороже стоит. А эти вещи у меня на каждый день. Все самое ценное я вообще не здесь храню, а внизу, в сейфе. – Элеонора посмотрела на замершего в дверях Бартвелла: – А в сейф вор не залезал?

– Нет, мисс. Близко не подходил. Я был поблизости, у себя в комнате, и услышал бы, если что. Серебряный поднос тоже на месте, в кладовке. Я во всех комнатах посмотрел, эти ваши картинки и побрякушки тоже все на месте.

Энтони вопросительно глянул на Элеонору, и она чуть улыбнулась:

– Бартвелл так называет мою коллекцию предметов искусства.

– А из вещей Эдмунда что-нибудь пропало? – спросил Энтони.

Встревоженная Элеонора обратилась к Бартвеллу:

– Вы заходили в комнату сэра Эдмунда?

– Нет, мисс, в голову не пришло.

Элеонора выбежала из комнаты и кинулась во вторую спальню, того же размера и формы, что и ее собственная, где Эдмунд спал то недолгое время, пока они не переехали в Италию. Мебель была массивная и темная, обильно украшенная резьбой. В комнате все было чисто и аккуратно, она содержалась в идеальном порядке – даже слишком идеальном, сразу становилось ясно, что здесь никто не живет.

При свете из коридора было видно, что здесь погрома не устроили, однако Элеонора тут же бросилась к письменному столу в углу комнаты и схватила шкатулку из розового дерева. Открыла ее, почти сразу закрыла и с удовлетворенным видом обернулась:

– Кажется, сюда вор не заходил.

Они вышли из комнаты и замерли в коридоре. Элеонора окинула взглядом обращенные к ней в ожидании инструкций лица.

– Бартвелл, скажите горничным, чтобы привели мою комнату в порядок. Керани, уложи детей. И пусть кто-нибудь останется дежурить – на всякий случай.

– Я первый, – вызвался Закари.

– А я его сменю, – прибавил Бартвелл.

– Отлично, – кивнула Элеонора. Этим двоим она доверяла больше всех. – Спасибо. – Элеонора посмотрела на Энтони: – Лорд Нил, почему бы нам не пройти в мой кабинет?

Она стремительно спустилась по лестнице и направилась в указанную комнату. Энтони последовал за ней, игнорируя любопытные взгляды домочадцев.

В кабинете Элеонора подошла к шкафчику, на котором стояли два стеклянных графина и ряд стаканов.

– Не желаете виски?

– Да, спасибо, – с некоторым удивлением согласился Энтони. Еще больше он был поражен, когда Элеонора наполнила второй стакан для себя.

Она протянула виски Энтони и, перехватив его вопросительный взгляд, обращенный на вторую порцию, улыбнулась:

– Мой отец всегда говорил – это лучший способ успокоиться.

– Что? Да, пожалуй.

Энтони взял стакан, наблюдая, как Элеонора потягивает янтарную жидкость, чуть морщась от крепкого вкуса.

Элеонора слегка дрожала, и Энтони чуть коснулся ее локтя:

– Как вы?

Элеонора подняла глаза. Виски у нее в желудке будто горел огнем, распространяя приятное тепло по всему телу. Хотя жест Энтони был просто дружеским и успокаивающим, его рука на ее голой коже заставила ее почувствовать нечто необычное. Элеонора вспомнила тот момент в карете, когда ей показалось, что лорд Нил вот-вот ее поцелует. Между ними снова возникла та же напряженная атмосфера, что и тогда, от прикосновения лорда Нила будто ток пробежал. Элеонора вскинула голову и заглянула ему в глаза. Энтони смотрел на нее, и этот взгляд приковывал к месту, как если бы лорд Нил удерживал ее.

Энтони шагнул к ней, его ладонь скользнула вверх по ее руке, и внутри все затрепетало. У Элеоноры перехватило дыхание, и она застыла, не в силах отвести от него взгляд. В этот раз лорд Нил и правда ее поцелует, подумала Элеонора и бессознательно приподняла голову.

Тут в коридоре послышались поспешные шаги, и резкий скрип деревянных половиц развеял дурман. Элеонора поспешно шагнула назад, покраснев от смущения. Она обогнула стол и снова посмотрела на Энтони, только когда их разделяла широкая столешница.

– Простите, что вам пришлось наблюдать подобную сцену. Обычно у нас в доме гораздо спокойнее.

– Воры вообще вносят сумятицу в любой распорядок, – дружелюбно ответил Энтони. Он осмотрел кабинет, отметив его большой размер и комфортность, шкафчики со стеклянными дверцами и запертые ящики, стопку потрепанных конторских книг на столе – в них явно часто заглядывали.

– Значит, это... м-м... ваш кабинет? – спросил Энтони. Эдмунда в подобной комнате представить было трудно.

Элеонора кивнула:

– Да, здесь я работаю.

Элеонора опустила взгляд на стол и начала рассеянно укладывать карандаши в ряд. Вид разгромленной комнаты напугал ее сильнее, чем она хотела показать.

– Зачем он перевернул вверх дном мою спальню? Почти все ценное на первом этаже.

– Он же об этом не знал. Должно быть, просто начал с вашей комнаты, надеясь обнаружить драгоценности, а остальным решил заняться на пути к выходу. Он, видимо, не ожидал, что его застигнет ваша... э-э... служанка.

– Няня, – поправила Элеонора. – Керани присматривает за детьми. – Элеонора подняла глаза и с вызовом посмотрела на него. – Видимо, наши порядки вас удивляют.

Энтони пожал плечами:

– Не могу отрицать.

Его так и подмывало спросить, кто все эти люди. Откуда в доме африканец в одежде джентльмена, говорящий на безупречном английском, индианка, двое детей, дворецкий, который уместнее смотрелся бы в портовой таверне? И чем женщина может заниматься в таком кабинете? И зачем неизвестный проник в ее спальню – что бы он сам ни говорил, необычное поведение для вора?

Но Энтони понимал, что все эти вопросы к делу не относятся. Глупо так интересоваться этой женщиной и ее жизнью – так же глупо, как и только что возникшее желание ее поцеловать. Поэтому Энтони промолчал, и повисла пауза.

– Впрочем, мы забыли, зачем вы пришли, – отрывисто проговорила Элеонора, направилась к одному из шкафчиков и открыла его. – Вы хотели узнать обстоятельства смерти Эдмунда.

Элеонора достала лист бумаги и положила его на стол рядом с Энтони, повернув так, чтобы ему было удобно читать. Это был официальный документ со штампами и печатями, написанный на итальянском.

– Это свидетельство о смерти, выдали в Италии. Читаете по-итальянски?

– Немного, – ответил Энтони, проглядывая документ. Он чувствовал смущение, почти стыд.

– Здесь говорится, что Эдмунд утонул, – без всякой интонации проговорила Элеонора, указывая на нужную строчку карандашом. – Хотя вы, кажется, считаете, что продажные итальянские власти могли указать вымышленную причину смерти. Понимаю, доказательство слабое. Есть еще заметка о несчастном случае в итальянской газете. – Элеонора вручила ему сложенный газетный лист, также с текстом на итальянском. – Смотрите.

Энтони пробежал глазами статью. Его итальянский беглостью никогда не отличался, к тому же сейчас он изрядно подзабыл этот язык, однако его знаний было достаточно, чтобы убедиться, что заметка действительно о сэре Эдмунде Скарбро и о том, как он утонул.

– В Неаполе самочувствие Эдмунда улучшилось настолько, что он стал гораздо энергичнее. Сама не знаю, почему он увлекся хождением под парусом. Предполагаю, просто хотел не отставать от друзей. Обычно он плавал с Дарио Параделлой или еще с кем-нибудь из них. В тот день Дарио должен был отправиться с Эдмундом, но в последний момент не смог, и Эдмунд ушел в море один. Сказал, ему нужно подумать. Когда к ночи он не вернулся, я встревожилась и послала слугу на пристань, но лодки Эдмунда там не было. Разумеется, я беспокоилась все больше и больше и разослала записки всем его друзьям. Отправила слуг во все места, куда он мог пойти, но Эдмунда нигде не оказалось. Наконец я обратилась в полицию. Спустя два дня... – Горло Элеоноры сжалось, и она замолчала. С трудом сглотнула и продолжила: – На берег выбросило его тело.

Видя лицо Элеоноры, полное сдерживаемого страдания, Энтони не мог усомниться в ее горе. Ему хотелось сказать ей, чтобы не продолжала. Хотелось обнять ее, прижать к груди, так же как ранее Энтони желал защитить ее от преступника, проникшего в ее комнату. Энтони был уверен, что на его месте многие мужчины чувствовали бы то же самое. Элеонора красива, и наверняка привыкла использовать свои чары, чтобы добиваться от мужчин всего, чего пожелает. И заставлять их поверить любым ее словам.

Энтони подавил охватившее его сочувствие и спросил:

– Зачем вы сожгли тело?

– Во всяком случае, не для того, чтобы скрыть улики! – отрезала Элеонора. Глаза ее вспыхнули от гнева и раздражения.

– Для чего же тогда? Лично я о подобном ни разу не слышал. А как же несчастная безутешная мать, которая теперь даже на могилу прийти не сможет?

– Мы были в Италии. Если бы я его там похоронила, она бы все равно не смогла на могилу ходить. По крайней мере, теперь леди Гонория сможет поместить прах Эдмунда в семейный склеп. Я подумала, будет лучше, если у нее что-то от него останется, – резко ответила Элеонора. Она покачала головой и выставила вперед ладони, будто отгораживаясь от дальнейших вопросов. – В любом случае моего мнения никто не спрашивал. Решение приняли итальянские власти, а не я.

– Что? – недоверчиво переспросил Энтони. – Это они распорядились сжечь тело?

Элеонора кивнула:

– Есть какой-то древний итальянский закон, сохранившийся еще со времен эпидемии чумы в Европе. Любое тело, прибитое к берегу волнами, должно быть сожжено немедленно на этом же месте. Так погиб поэт Перси Шелли, и его тело тоже возложили на погребальный костер на побережье. Говорят, в груди у Шелли была открытая рана, и один из друзей вынул его сердце и отдал на хранение вдове, Мэри Шелли. Говорят, она положила его в шкатулку и отвезла домой.

– Дикость какая-то, – пробормотал Энтони.

Элеонора слабо улыбнулась:

– Я тоже удивилась, когда Эдмунд мне рассказал эту историю. Впрочем, супруги Шелли вообще были люди своеобразные – даже по моим меркам.

Энтони хотелось верить Элеоноре. Во многих местах диковинные средневековые законы до сих пор являются действующими, и несомненно, во время чумы разумнее сжигать прибитые к берегу тела. Безусловно, страхи и подозрения

Гонории ни на чем не основаны.

Ему очень хотелось верить Элеоноре. Глядя в ее ясные голубые глаза, он проникся убежденностью, что такой взгляд не может лгать. Однако именно это и настораживало. Энтони плотно сжал челюсти, игнорируя пылающий в чреслах жар и покалывание в кончиках пальцев от желания дотронуться до нее.

– А что насчет наследства? – резко спросил он, и от попыток подавить природное желание голос прозвучал грубо.

Лицо Элеоноры окаменело.

– Ах да, наследство. Все неизбежно сводится к деньгам.

– Боюсь, что так.

– Не понимаю, как вы можете подозревать, будто я убила Эдмунда из-за денег, ведь мне он не оставил ничего, и вам это прекрасно известно. Поместье, наследуемое по мужской линии, перешло к его кузену, Малькольму Скарбро, а состояние Эдмунд завещал сестре.

– Мужчины редко вычеркивают жен из завещания, – заметил Энтони.

Элеонора скептически вскинула брови:

– Только не говорите, будто тревожитесь за мое благосостояние.

– Я и не собираюсь. Просто со стороны это выглядит так, будто отношения между супругами испортились и муж не желал, чтобы жене достались его деньги.

– Или жена в них просто не нуждалась, – отрезала Элеонора. – Странно, что вы не заметили в своей аргументации неувязку, милорд. Если бы я вышла замуж ради денег, то мне, напротив, надлежало быть заинтересованной в долгой жизни супруга.

– Вы контролируете состояние сестры Эдмунда. Да, самой вам ничего не досталось, зато у вас есть прекрасная возможность пожить за ее счет.

Элеонора улыбнулась, плотно сжав губы:

– Ах вот что вас волнует? Деньги сестры Эдмунда. Казалось бы, любой разумный человек должен понять – если Эдмунд мне не доверял, или мы с ним поссорились, он бы ни за что не назначил меня опекуной. Но нет, здравый смысл вас не волнует. Вас и леди Скарбро интересуют только деньги. Как вы думаете, почему Эдмунд поручил свое состояние мне? Потому что был уверен – я распоряжусь ими разумно и честно. Знал – я прослежу, чтобы деньги его сестры были надежно инвестированы, а не выброшены на ветер его матушкой. Эдмунд плохо разбирался в деловых вопросах, однако понимал, что матери такое ответственное дело доверить нельзя – в этом случае большая часть состояния до Саманты не дойдет.

К великой досаде Энтони, возразить было нечего. Одну часть денег его сестра потеряла бы в результате неразумных вложений, а другую истратила бы на себя под предлогом, что она, в конце концов, мать Саманты и занимается ее воспитанием. Сам Энтони не посоветовал бы Эдмунду доверить состояние Саманты Гонории.

– Думаете, я не догадалась, к чему вы клоните? – язвительно продолжала Элеонора. – Не поняла, что вы с матерью Эдмунда спите и видите, как бы присвоить деньги Саманты? Отсюда и ваши подозрения. Надеялись пустить слухи, что это я его убила, погубить таким образом мою репутацию и превратить мою жизнь в кошмар. Несомненно, вы рассчитывали, что я в конце концов не вынесу этого, уеду из страны и отдам все деньги в ваше с леди Гонорией распоряжение.

– Что? – Потрясенный Энтони уставился на нее. – Да как вы смее...

– Я не из трусих, лорд Нил, – проговорила Элеонора, опершись руками о столешницу. В ее голубых глазах светился вызов, и даже сама поза была воинственной. – Разве вы не знали? Я эксцентричная американка, не имеющая представления о приличиях, и так называемые правила меня не волнуют. Я появляюсь на людях без сопровождения. Распоряжаюсь своей жизнью и деньгами без мужской указки. Могу поехать куда и когда пожелаю, ни перед

кем не отчитываясь. Вашей злостной клеветой меня не сломить, милорд. Я не сбегу, рыдая, только оттого, что меня не принимают в доме какого-нибудь напыщенного аристократа. Деньги Эдмунда вы не получите!

К немалому удивлению Элеоноры, ее противник издал резкий, отрывистый смешок:

– Вы с ума сошли. Я покушаюсь на деньги Эдмунда? Сразу видно, что вы меня совсем не знаете.

– Заблуждаетесь, милорд, – отрезала Элеонора. – Я вас вижу насквозь. Деньги – единственное, что вас интересует. Вы являетесь ко мне, только если желаете обсудить финансовые вопросы. В первый раз вы намеревались расстроить наш с Эдмундом брак, потому что боялись – теперь его деньги достанутся мне, а не вам и его матери. Вам и в голову не пришло подумать, что лучше для Эдмунда. Единственное, что вас беспокоило, – денежная сторона вопроса. Вы никогда не выказывали ему привязанности, племянник вас не интересовал. А теперь вы объявились снова, потому что недовольны решением Эдмунда относительно наследства. Что-то я не вижу, чтобы вы сильно горевали после его смерти.

– Вы понятия не имеете, что я чувствую, – напряженно выдавил Энтони.

– Тогда почему же вы ни разу не навестили Эдмунда перед отъездом в Италию? Уверена, его бы это очень порадовало. Уж не знаю за что, но Эдмунд вас любил. Доверял вам. Даже как-то сказал, чтобы я обращалась к вам, если понадобится помощь. – Губы Элеоноры искривились в горькой усмешке, и она прибавила: – Я не говорила ему, что вы – последний человек, которого я попрошу помочь.

Слова Элеоноры ранили Энтони будто острый нож. Он понимал, что это глупо – она говорит так просто из неприязни. Не из-за чего удивляться, и тем более расстраиваться. Ведь их антипатия взаимна. Возможно, Энтони и чувствует к ней чисто плотское влечение, но как человека он ее презирает.

– Я не приходил к Эдмунду сюда, потому что не желал видеть вас вместе, – честно ответил он, отрывисто роняя слова. – Я виделся с ним в клубе.

– Ах вот как. Понимаю. Вы избегали только меня. Разумеется.

Элеонора отвернулась, удивленная тем, что его слова так сильно ее задели. Ничего странного тут нет, сказала она себе. Ведь этот человек ненавидит ее.

– Единственное, о чем я тревожился, – это благополучие Эдмунда, – напряженно продолжил Энтони. Он заметил обиду на лице Элеоноры, но решил не обращать внимания. – Вам кажется, будто вы меня раскусили, но на самом деле вы меня совсем не знаете.

– А вы, сэр, совсем не знаете меня, – тут же ответила Элеонора, гордо подняв голову.

– Может, вас я и не знаю, – произнес Энтони с неприятной резкостью в голосе. – Зато встречал достаточно женщин вроде вас. Мне прекрасно известно, как такая привлекательная особа может обворожить мужчину. Настроить его против близких. Перевернуть его мир с ног на голову так, что он забывает обо всем, кроме нее. – Энтони не сводил глаз с ее лица и шагнул ближе, будто под воздействием собственных слов. Энтони заговорил тише, почти ласково: – Я знаю, как вы можете свести мужчину с ума одной улыбкой... И, жаждая прикоснуться к вам, обладать вами, он будет готов на что угодно.

Элеонора будто приросла к столу, не в силах ни пошевелиться, ни заговорить – его голос с хрипотцой пригвоздил ее к месту. Когда Энтони подошел ближе, она запрокинула голову и поглядела на него снизу вверх. В глазах Энтони пылала ненасытная жажда, и такая же жажда пробудилась в Элеоноре, заполнив все ее существо жаром и томлением.

– И тогда мужчина бросается в омут с головой, – говорил между тем Энтони, не сводя с нее глаз. Он нагнулся к Элеоноре и произнес: – Ему безразлично все остальное. Для него существуете только вы, ваши манящие губы, бархатная кожа...

Тут Энтони опустил голову и поцеловал ее. Элеонора инстинктивно привстала на цыпочки и потянулась ему навстречу. Губы у Энтони были мягкие и горячие, и от одного их прикосновения внутри запылало желание. Она впилась в его губы, сгорая от страсти. Ничего подобного она раньше не чувствовала. Энтони обхватил ее, прижав к своей сильной мускулистой груди. Контраст между его твердостью и ее собственной женственной мягкостью пробудил в ней доселе неведомые чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Моя прекрасная госпожа (ит.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/kemp_kendis/opasnyy-muzhchina

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)